

16.826K

Г Р У Д Ы

Иваново-Вознесенского Губернского
НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА
КРАЕВЕДЕНИЯ

вып. 3.

Иваново-Вознесенск
1925

ТРУДЫ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО ГУБЕРНСКОГО
НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ

ВЫП. 3

**ИТОГИ
КРАЕВЕДНОЙ РАБОТЫ
ГУБЕРНИИ**

В ДОКЛАДАХ ПЕРВОЙ ГУБЕРНСКОЙ
КРАЕВЕДЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Иваново-Вознесенск

1925

16.826к

Литература Иваново-Вознесенского края.

(Введение в изучение местной литературы).

М. П. СОКОЛЬНИКОВ.

В литературной жизни нашей страны как прошлого, так и настоящего времени Иваново-Вознесенский край не является выдающимся. Нашу губернию нельзя причислить к тем счастливым по литературным именам областям, которые в истории общественности были настоящими культурными гнездами: таковы Воронежская губерния, Ярославская, Нижегородская, Орловская, давние России Никитина, Кольцова, Некрасова, Горького, Тургенева, Бунина и ряд других больших писателей. Правда, и мы можем гордиться именами Островского или Бальмонта, но тут на поверку выходит, что эти писатели связаны с краем или только месторождением, или кратковременным их пребыванием в пределах родных мест, не оставившим больших следов в творчестве.

Все же будет несправедливым сказать и о бедности Иваново-Вознесенской губернии литературными силами.

История края дает нам ряд интересных писателей, имена которых, если и не входят крупными буквами в историю русской литературы, то все же являются значительными и яркими на фоне общественно-культурного развития края.

Иваново-Вознесенский край.

Но, говоря о литературе Иваново-Вознесенской губернии, сейчас же приходится оговариваться и иметь ввиду следующее обстоятельство. Нашей губернии в дореволюционное время не существовало, и ее уезды входили составными частями в соседние Костромскую и Владимирскую губернии. Несомненно, что культурное влияние и литературные традиции Костромы и Владимира заметно сказывались на литературе тех уездов, которые тяготели к этим центрам (влиянию Владимира подпадали, главным образом, Иваново и Шуя; Кострома действовала на Кинешму и Юрьевец).

Не учитывая этих влияний и рассматривая губернию в прошлом отвлеченно, мы никогда не получим правильного представления о культуре тех районов, из которых она сейчас составилась.

Однако, нельзя также не считаться и с тем, что сам Иваново-Вознесенск имел некоторое, а порой и заметное влияние на теперешние свои уезды. Являясь крупным фабричным районом, соединенным железной дорогой с Вичугой, Родниками, Тейковым и имея выход на Волгу через Кинешму, Иваново-Вознесенск был связан с этими фабричными местечками, прежде всего, деловыми связями (получение товаров для окончательной отделки на ситцевых фабриках и т. п.); конкуренция имела, конечно, место, но различные коммерческие сделки и договоры, безусловно, были; здесь так же приходится иметь в виду и частичный переход рабочих и служащих с фабрики на фабрику и т. п. Через Кинешму, как портовый приволжский город губернии, с Ивановом велась значительная торговля хлебом и другими продуктами. Этот хозяйственный обмен имел за собою и некоторое культурное взаимодействие.

Поэтому, группируя факты литературной жизни губернии в прошлом, вернее будет оперировать с термином *Иваново-Вознесенский край*, понимая под этим территорию, входящую административно в состав двух губерний, но с экономическим центром в без'уездном городе Иваново-Вознесенске.

Схема введения.

Мы не можем, конечно, дать общую, сводную историю л-ры Иваново-Вознесенского края. Это была бы в значительной мере искусственная, наивная задача, потому что литературу отдельных губерний никак нельзя оторвать от общего культурного движения страны. Проследить исторически смены отдельных литературных групп и направлений, дать схему некоторого органического развития губернской литературы — совершенно невозможно, пользуясь краевыми рамками. В этой литературе трудно подметить ту или иную преемственность в деятельности писателей, да и редкий поэт на всю свою жизнь связывается с своим краем.

Нам, очевидно, придется рассматривать творчество отдельных писателей и выделять те или иные моменты культурно-исторической жизни края, важные в литературном отношении.

В этом направлении первоочередной задачей будет, прежде всего, фиксация губернского литературного материала, в лице отдельных представителей л-ры, и литературных изданий (газеты, журналы, альманахи и т. п.). Исчерпывающей регистрации краевой художественной л-ры мы еще не имеем*). Мы слишком плохо знаем своих выдающихся уроженцев—губернских и уездных писателей—и многие из них основательно забыты.

Дальше, чрезвычайно важно указать на материалы биографического характера. Здесь придется отметить преимущественно уже не общеизвестные сведения о жизни того или иного писателя, а те свидетельства и факты, которые дают губернские архивные фонды, забытые статьи в различных изданиях, переписка, воспоминания и т. д. С этой стороны изучение материалов краевой л-ры имеет громадное значение и для историка русской литературы и общественности. Творчество писателя глубокими нитями уходит в родную обстановку, и социально-классовые его корни всегда связаны с той средой, которая его воспитала и образовала. Общий поток литературы всегда пугается теми ручьями, которые в него вливаются с мест.

При изучении жизни и творчества писателей края нам безусловно придется прибегнуть к краеведческому разрезу. Литература, так же как и наука, служит познанию жизни; помимо эстетического наслаждения, она своеобразно иллюстрирует действительность. Нам чрезвычайно важно знать, как писатель претворил и показал те или иные стороны жизни края. Большинство писателей всегда болеет нуждами своего родного угла. Почти у каждого из них мы находим произведения, так или иначе отображающие природу, быт населения, социально-экономическую обстановку своих мест. Эти интересные данные являются прекрасными иллюстрационными дополнениями к различным историческим материалам и часто проливают свет на многие трудно-объяснимые явления исторического прошлого края. Наша большая задача—выделить эти бытовые, исторические и этнографо-географические черты губернии в произведениях краевой литературы.

При таком подходе часто возрастает значение небольших, забытых писателей. Порой какое-нибудь малоизвестное произведение Рыскина или

*) В 1924 году вышло прекрасное библиографическое пособие неутомимого нашего библиографа Н. А. Королева «Семь лет Иваново-Вознесенской печати» (1917-1923 г.г.). Изд. «Основа». Литературные печатные произведения революционных лет здесь зарегистрированы довольно полно. Можно надеяться, что в самом ближайшем будущем та большая работа по библиографии Иваново-Вознесенской губернии, которая сейчас интенсивно ведется библиографической секцией О-ва Краеведения, даст много любопытных и малоизвестных ценных сведений о писателях края.

Огромная работа по регистрации и разработке материалов краевой художественной литературы продлена владимирским краеведом—скромным литературным тружеником В. С. Богдановым, составляющим Словарь деятелей и уроженцев Владимирской губернии. В собраниях Богданова есть чрезвычайно интересные данные о писателях—уроженцах Шуйского, Ивановского и даже Кинешемского уездов. Из этих материалов в печати Богдановым опубликовано очень немного.

См. также Слицинов А. В. «Уроженцы и деятели Владим. губ., получившие известность на различных поприщах обществ. пользы» (Материалы для био-библиографического словаря). Вып. 1-3. Владимир. 1896-1898.

Нефедова приобретает громадное значение, и изучение его, в свете современности, представляется прямо-таки необходимым.

Подобное «краеведческое» исследование, конечно, не исключает и общего анализа творчества рассматриваемых писателей. И если нет смысла распространяться о произведениях Островского и Бальмонта, достаточно полные характеристики которых имеются в самых разнообразных изданиях, указанных в библиографических справочниках, то необходимо отметить особенности творчества тех писателей, которые неизвестны широкой читающей публике. Одним словом, здесь придется зафиксировать *итоги и задачи* изучения того или иного писателя края.

Вот, в самых кратких чертах, схема введения в изучение местной л-ры, приняв которую мы можем перейти к рассмотрению отдельных фактов литературной жизни края.

Писатели Кинешемского района.

В середине прошлого века у нас особенно выделяются два писателя: Островский и Потехин.

Так как их жизнь и творчество в значительной степени связаны с кинешемским (а отчасти и юрьевецким) уездом, то познакомимся прежде всего с социально-экономическим состоянием этого района.

Кинешемский район в середине и конце XIX столетия.

Еще в XVIII веке Кинешемский уезд начинает принимать характер промышленного района. К основному земледельческому занятию населения присоединяется и обрабатывающая промышленность. К концу XVIII и началу XIX вв. особенно процветает полотняное и кожевенное производство. В первой четверти прошлого столетия вперед выдвигается производство хлопчатобумажное,—и этот перелом в промышленности мы наблюдаем и в Кинешемском уезде. Однако, льняное производство еще долго и упорно продолжает существовать в форме домашней обработки льна; с конца 40-х годов льняная промышленность в районе вновь оживает в виде крупных фабрик. Причинами быстрого развития промышленности в уезде, помимо внешних обстоятельств (разорение центрального промышленного района во главе с Москвой в 1812 г.), были и чисто местные условия. Неудовлетворительное состояние сельского хозяйства, обусловленное скудостью почв и слабой обработкой земли—еще издавна побуждало местное население к поискам за более верными источниками существования; этому же способствовало и чрезвычайно выгодное положение района на реке Волге и вообще удобные пути сообщения.

К первой половине XIX века, и в особенности к первой четверти его, относится возникновение весьма многих бумажных фабрик в кинешемском крае, главным образом, около Вичуги: фабрика Ив. Ив. Миндовского в Старой Гольчихе, фабрика П. К. Коновалова (1812 г.), ф-ки Клементьевой и Морокиных (1820 г.), Разореновых (1823 г.), Кочетова, Чеснокова и Кормилицыных (1825 г.) и Мочалова (1855 г.) *). Многие из этих предприятий быстро развиваются в сильные капиталистические производства. Вместе с развитием текстильной промышленности, в районе замечается и развитие подсобных ей видов производства: химического, чугунно-литейного, писчебумажного и др.

В 1858 г. обороты наиболее крупных фабрикантов уезда достигают:

Александр Коновалов—1.600.000 рублей.

Наталья Разоренова—560.000 руб.

Галактион Миндовский—450.000 руб.

К концу века уже 23% всего населения уезда оработано. Капитал оторвал крестьян от земли и других видов промысла.

«Такое широкое развитие капиталистической промышленности в крае резко изменило его облик. Оно «выжало» из среды населения тысячи рабочих рук и скучило их в определенных местах: селениях и селах; породив слож-

*) См. Е. Дюбок. Основные черты в развитии крупной промышленности в Костр. губ. в дореформенное время. «Труды костромского научн. о-ва по изучению местного края», т. I.

ную систему разделения труда, оно разбило прежние патриархальные отношения крестьянской жизни и внесло струю городской культуры в уклад кинешемского края. Развитие промышленности сконцентрировалось в уезде большие капиталы-богатства)... Замечается усиленный «отлив населения от деревни и пустыне полей. Деревни переживают кризис, особенно те, которые, стоят на границах между фабричными и не фабричными районами... Кризис этот выражается в проблеме: вести ли сельскохозяйственное хозяйство, или заняться фабричным промыслом. Если она решается в сторону последнего, то тогда встает необходимость ближе перебраться к фабрике (10—12 и более верст расстояния до фабрики служат сильным побудителем ближе переселиться к ней). Сначала это переселение временное и в деревенском доме остаются старики и дети; если их нет—то деревенский дом заколачивается, но только на неделю. В праздники в нем появляются хозяева вновь. Затем, особенно когда деревенский дом ветшает и требует ремонта, появляется сильнейший мотив поселиться на постоянное жительство поближе к фабрике. И вот мы видим, как расстраиваются в ширь фабричные села. Дома лепятся один на другой, население сгущается»... *).

Характерно, что первые фабриканты района были в подавляющем большинстве крестьяне, обычно крепостные, из которых многие выкупались на свободу много позднее. Вместе с этим нужно указать и на то, что на фабриках Кинешемского уезда еще задолго до 1861 г. применяется вольнонаемный труд; крепостной труд, если и существует, то в самом незначительном проценте **).

Переходя к сословно-классовой группировке населения уезда, мы констатируем, что «земледелие и фабрично-промышленный труд—представляются крестьянским и мещанским сословием; промышленный и торговый капитал,—главным образом, купечеством, отчасти гражданством и меньше крестьянством и мещанством; землевладельческие интересы,—главным образом, дворянством и купечеством». Преобладающей группой являются крестьяне-земледельцы и рабочие. Что же касается дворянства, то численно в уезде оно значительно уступает купечеству, которое, в связи с быстрым развитием промышленности и торговли, быстро увеличивается и крепнет.

Кинешемский уезд вообще слабо-дворянский; помещичьи усадьбы здесь раскинулись, главным образом, в северо-восточной части. Дворянство здесь являлось представителями земельного капитала, владельцами обширных площадей лесов и сенокосов. Местные небольшие дворянские гнезда, под натиском промышленного капитала, быстро скудели, и лишь немногие из них, покрупнее, превращались в устойчивые и доходные сельско-хозяйственные фермы.

К концу XIX и началу XX века кинешемский район считается одним из наиболее промышленных в губернии. Проведение железной дороги на Москву, развитие волжского судоходства—заметно усиливают здесь торговлю и фабричные производства. Но все же, вместе с обрабатывающей промышленностью, уезд отдает еще много сил земледелию; сохранились в нем и кустарные промыслы, имевшие и раньше значительное место среди основных занятий населения.

Ознакомившись кратко с социально-экономическим состоянием кинешемского района, перейдем теперь к представителям литературы, связанным с бытием уезда.

А. Н. Островский.

Александр Николаевич Островский родился в Москве, в Замоскворецком районе, и с детских лет был окружен купеческой средой. Его жизнь (родился 13 апреля 1823 г.—скончался 15 июня 1886 г. н. ст.) прошла, главным обра-

* Цитир. по Н. Д. Кондратьеву. «Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромск. губернии». (Социально-экономический и финансовый очерк). Кинешма, 1915 г. Стр. 70-72.

** См. Е. Длюбок. Обрабатывающая промышленность Костромского края в ее прошлом. Костр. 1924 г.

зом, в этой столице; Москва же дала ему для пьес и богатую галерею купеческих типов. Но, вместе с тем, у писателя была и вторая родина—это Кинешемский уезд. Здесь, в Заволжье, отец его, костромич, купил усадьбу Щельково. Островский любил имение, привязался к нему и почти каждое лето, а иногда и зимами, приезжал сюда отдыхать после тяжелой московской жизни. Любопытные воспоминания о пребывании писателя в Щелькове мы находим у С. В. Максимова («Русская Мысль», 1897 г., № 1, 3, 5 и 1898 г., № 1—4). В усадьбе всегда бывали заезжие гости—артист Бурдин, И. Ф. Горбунов и мн. другие; не мало в Щелькове написано Островским и лучших своих произведений. В имении же писатель и умер, и похоронен в с. Никола-Бережки, в двух верстах от Щелькова *).

С жизнью Кинешемского уезда Островский был тесно связан и даже состоял членом земской управы. Наблюдая помещичью и крестьянскую действительность своей местности, (а кругом, по бойкому галичскому тракту раскидалось много больших и малых усадеб),—писатель, несомненно, подметил тут немало интересных явлений. Где же, как не здесь, он мог видеть картины разрушающейся усадебной жизни, оскудения помещиков и приход новой денежной силы—крупного капиталиста-фабриканта.

В той переоценке творчества Островского, которую вызвал его столетний юбилей **), периоды пребывания писателя в Кинешемском уезде приобретают немаловажное значение. Островский—отнюдь не исключительный бытописатель купечества: его произведения захватывают различные классы и рисуют смену их на протяжении трех-четырех десятилетий. Найти черты местной жизни, так искусственно скрытой Островским в своих пьесах, определить бытовые особенности, прототипы героев писателя—вот одна из насущнейших сейчас задач в деле изучения великого драматурга. Трудность подобной работы усугубляет и почти полное отсутствие архивных материалов в Костроме и Иваново-Вознесенске, потеря и расхищение переписки и рукописного архива в Щелькове и отсутствие необходимых воспоминаний и показаний; местных материалов об Островском в последние годы не появилось, если не считать очерков М. П. Сокольниковца «В усадьбе Островского» и И. И. Власова «Усадьба Щельково» (газ. «Рабочий Край», № 78 от 13 апреля 1923 г.).

Кинешма чтит память Островского. Имеющийся в городе театр имени драматурга за 25 лет своего существования проделал большую культурно-просветительную работу; театральные сезоны открываются по традиции пьесами знаменитого земляка. Островский и сейчас—любимый писатель в репертуаре деревенских и рабочих клубов и народных домов в губернии. И это вполне понятно. Великое социальное и художественное значение творчества Островского остается в полной своей силе. Как ни относиться к его идеологии, обусловленной определенной сословной обстановкой эпохи, но едва ли кто в драматической литературе сумел лучше и ярче показать нам жуткую правду нашего старого быта, возглавляемого ничем неоправдаваемой властью денежной силы—тупых богатеев-купцов. Кроме этого, пьесы Островского до

*) О современном состоянии Щелькова см. мою статью «В усадьбе Островского». Сб. «А. Н. Островский», под ред. П. С. Когана. Изд. «Основа», 1923 г. Усадьба в полной заброшенности; масса книг из библиотеки и вещей А. Н. расхищены. Лишь недавно Губархиву удалось перенести остатки большой библиотеки писателя в Иваново-Вознесенск.

**) Главнейшие из статей:—*Н. Кашин*. Смена классов в русском обществе по произведениям Островского. Ж.-л. «Печать и революция». № 3, 1923 г.—*И. Н. Кубиков*. Бытовое и вечное в пьесах Островского.—*П. Котан*. Темные лучи в светлом царстве.—*С. К. Шалибина*. Пучина. (Все три статьи в сб. «А. Н. Островский», изданном Иваново-Вознесенским издательством «Основа» к столетнему юбилею писателя в 1923 г. В этой книге имеются снимки и рисунки видов Щелькова, могилы О-го, а также и редкий портрет драматурга, писанный худ. Рыловым).

Полная библиография об Островском составлена *А. М. Линным* «Литература об О-м». Владикавказ. 1924 г.

Полное собрание сочинений О-го, помимо старого издания «Просвещения», издано в 1921 г. Государственным Издательством, в 10 томах.

сих пор волнуют глубокою любовью к человечеству: светлые образы людей правды, великого внутреннего горения, честных и самоотверженных, созданных драматургом, до сих пор не потеряли своей притягательной силы и их большое социально-воспитательное значение сохраняется и посейчас.

А. А. Потехин.

Из Потехиных прежде всего следует остановиться на старшем—Алексее Антиповиче.

Он родился в г. Кинешме 14 июля 1829 г., в семье уездного казначая. Учился в костромской гимназии, окончил курс в Ярославском Демидовском Лицее, некоторое время служил чиновником в Костроме. Литературная деятельность его началась в 1851 году статьей «О benefice актера московского театра Шумского». В дальнейшем литературная деятельность Потехина расширяется, и он дает целый ряд рассказов, повестей, романов и пьес из крестьянской, помещичьей и отчасти фабричной жизни. Многие его пьесы пользовались большим успехом на столичных и провинциальных сценах; некоторые из них запрещались к постановке цензурою. Умер Потехин в Петербурге, в 1908 году.

Со своим краем А. А. был связан в большей степени, чем Островский. Живя подолгу в своем небогатом имении «Орехово», близь села Филисово, Юрьевецкого уезда, писатель вполне сроднился с своими родными местами, и из-под пера его немало вылилось произведений, посвященных жизни края.

Прежде всего, мы имеем ранний очерк «Путь по Волге», с любопытным этнографическим описанием путешествия на лодке-кландушке от Ярославля до Кинешмы. Здесь Потехиным довольно живо зарисована волжская природа, судоходство середины XIX столетия, типы волгарей-бурлаков, быт волжских деревушек и мн. др. Гоголевский стиль описания великой реки делает это произведение немного пафосным, но в нем так много метких наблюдений и неподдельной любви и восторга Волгой.

Кинешме Потехиным посвящены два очерка: «Уездный городок Кинешма» (1851) и «Забавы и удовольствия в городке» (1852). Если в первом внимании автора сосредотачивается, главным образом, на внешних особенностях города, то во втором очерке перед нами уже точная, подробно написанная картина быта провинциального общества уездного городка в 40-х годах прошлого века. Значительное место отведено описанию удовольствий и развлечений высшего круга—помещиков и чиновников, и незначительное—низшему. Тут мы встречаем тщательнейшие зарисовки танцевальных вечеров, «званных вечеров с закускою», святочных развлечений с ряжеными, различными обрядами, песнями и т. п. Писателя едва ли можно заподозрить в искусственности изображаемых сцен. Перед нами в живых картинах встает незатейливое, довольно пустое и безалаберное времяпрепровождение «верхов о-ва» одного из больших уездных городов губернии.

В лучших больших произведениях Потехина мы также находим немало бытовых подробностей из прошлого нашего края: им описаны довольно прозрачно и Тезинские и Бонячкинокие фабрики, село Вичуга и самые разнообразные кинешемские и юрьевецкие деревни, усадьбы и погосты. Но чтобы точнее определить эти местные черты в творчестве Потехина, необходимо знание подробных биографических данных о писателе. В этом отношении дело обстоит далеко неблагоприятно. Сколько-нибудь полной биографии о Потехине не имеется; переписка его не опубликована, печатных воспоминаний и архивных материалов также почти нет. Кое-какие любопытные черты из биографии писателя мы встречаем в работе Ник. Виноградова «Мелочи для биографий А. Ф. Писемского и А. А. Потехина». Спб., 1908 г. Костромичам Потехин вообще ближе и мы в праве ожидать от их исследователей материалов о своем писателе-земляке; много может дать и опрос здравствующего сына Потехина—Вал. Алексеевича.

Хорошо знавший писателя, проводивший вместе с ним два года—бывший учитель Ореховской школы—литератор В. А. Миндовский, очевидно, имел все основания, чтобы писать об отражении местной жизни в произведе-

дений Потехина. Вот что мы читаем в его очерке «Костромская старина в сочинениях А. А. Потехина» (газ. «Костромская Жизнь», № 225, 17 октября 1913 года):

«Читая, например, повесть «Иван да Марья», мы встречаем на ее страницах и знакомые черты старой родовитой усадьбы (Юрьевецк. у.), вичугские фабрики и подробное описание окрестных деревень; в рассказе «Старый покровский дьякон», в некоторых частях романа «Около денег» и других мы видим жизнь нашего сельского духовенства; в «Крестьянских детях» находим целую эпопею быта трудовой костромской деревни; роман «Бедные дворяне» уводит нас в старые дворянские гнезда, в помещичьи усадьбы, к последним годам их дореформенной жизни, а повесть «Молодые побеги» рассказывает о новых наслоениях, появившихся в родном краю на развалинах крепостничества, о новых «гнездах» — фабрично-купеческих, о «молодых побегах» — первом сознательном пролетариате.

В художественном отношении произведения Потехина не теряются среди остальной народнической беллетристики. У него — прекрасный диалог, с богатим запасом местных слов; описание того или иного явления им всегда детализируется и внешние черты людей и предметов ярко выступают вперед. Эти длинноты в разговорной речи и в описаниях иногда, правда, бывают утомительны, но ими же создается и своеобразный «потехинский» стиль повестей. Что же касается до психологии действующих лиц, то эта сторона у Потехина много слабее: здесь нет того необходимого трепета, живого писательского огня, который дает возможность почувствовать самые глубинные переживания героев произведений. Этому мешает и заметный налет сентиментализма в описаниях.

Изучение творчества Потехина представляет большой интерес и приобретает немаловажное значение в настоящее время. Являясь по преимуществу бытописателем крестьянства, обладая меткой наблюдательностью и живо откликаясь на волнующие темы, — Потехин в своих произведениях дает нам немало любопытных материалов о пролетаризации деревни, об избыточном деревенском населении, которое, силою нужды, принуждено идти на заработки на окрестные фабрики. В его многих повестях перед нами проходит и сама эта фабрика, с фабрикантами-хозяевами, конторой и служащими, система штрафов, тяжелые условия труда, обыски и т. п. Такие его произведения сейчас особенно интересны, потому что документальные исторические данные о дореформенных фабриках нашего района имеются очень немногие. В произведениях же Потехина мы встречаем и отдельные, порой удивительно любопытные типы рабочих, еще так сильно связанных с деревней и далеко еще не являющихся пролетариями в собственном смысле этого слова. С этой стороны особенно хочется выделить цикл рассказов писателя «Крестьянские дети». Тут, в очерках «На фабрике» и «Фабричный мальчишка», Потехиним довольно ярко и интересно зарисован процесс поступления деревенского мальчугана на фабрику, общежитие фабричных ребят, фабричные порядки, непосильные, изнурительные условия труда и мн. др. Здесь же мы встречаем и оригинальный тип Семиошки, уже вполне освоившегося с фабричной обстановкой и заметно прогрессирующего в сторону от деревни *).

Правда, описываемый быт не всегда верно комментировался писателем. Будучи по убеждениям народником, да еще с оттенком славянофильства, — Потехин главные симпатии отдавал деревне и мужику, и в фабрике, порой, видел «злое» начало, неблагоприятно действующее на народные массы и разрушающее в них нравственность, и крепкие основы деревенского уклада. Но такой подход все же не исключает правдивости многих описанных явлений: — нужно лишь выделить те места, где действует Потехин — художник на-

*) Этому произведению уделяет значительное место И. Н. Кубиков во 2-м изд. своей книги «Рабочий класс в русской литературе». «Основа», 1925 г. В этом же труде имеется и марксистское освещение романа Потехина «Молодые побеги».

блюдатель, и указать то, что связано с тенденциозными рассуждениями автора*).

Н. А. Потехин.

Брат Потехина—Николай Антипович (род. 1834 г., ум. 1896 г.) был преимущественно писателем-драматургом. Его драмы: «Мертвая петля», «Нищие духом» и др. в свое время пользовались большой популярностью; «Нищие духом» еще и посейчас ставятся на провинциальных сценах. Этот писатель изучен в гораздо меньшей степени, чем его старший брат. Библиографический указатель А. В. Мезьер фиксирует о нем лишь одну заметку в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза-Ефрона, т. XXIV. Н. А. сотрудничал, главным образом, в «Отечественных Записках», «Русском Слове» и «Эпохе». Из произведений его отметим: «Наши безобразники». Сцены. СПб. 1864 г. (первоначально—в «Искре»).—«Кто лучше». Ком. в 4-х д. «Отеч. Зап.», 1860, № 12.—«Доля-горе». Драма из простого быта. «Отеч. Зап.» 1863, № 6.—«Быль молодцу не укор». Ком. «Отеч. Зап.», 1861, № 7.—«Дока на доку нашел». Ком. «Отеч. Зап.», 1860, т. 133.—«Мертвая петля». Драма. «Дело», 1876, № 1 (отд. 1876 г.).—«Злоба дня». Ком. «Дело», 1875, № 1.—«Нищие духом». Драма. «Огонек», 1879, стр. 921—991 (отд. СПб. 1879 г.).—«Уездное дитя». «Эпоха», 1865, № 1.—«Врач-специалист». Ком. «Эпоха», 1865, № 2.—«Бесталанный». Пов. «Русское Слово», 1853, № 2.—«Родительская суббота». Оч. «Рус. Слово», 1863, № 5.—«Немецкий хвост». Картины нравов. «Дело». 1873, № 12. Театральные рецензии Н. А. печатались в «СПб. Ведомостях» (под псевд. «Рцы Слово Твердо»).

П. А. Зарубин.

Среди писателей-современников Островского и Потехина нам следует остановиться на талантливом самородке П. А. Зарубине.

Павел Алексеевич Зарубин родился 10 мая 1816 г. в посаде Пучеже, нынешнего Юрьевецкого уезда.

«Посад Пучеж на правом берегу Волги. Прежде назывался слободой Пучища. Здесь находится хорошая пристань; производится значительная торговля хлебом, а также лесом, приходящим из реки Унжи. В посаде находится льнопрядильная фабрика**). В половине XIX в. Пучеж был крупным центром хлебной торговли Юрьевецкого уезда. Жители Пучежа издавна занимались торговлею и водными промыслами; особенно бойко шла торговля льном.

Отец Зарубина, Алексей Яковлевич, был мещанином, промыслял мелкой торговлей и перевозкой кладей на барках. Будущий писатель рос среди прекрасной волжской природы, почти без всякого присмотра со стороны родителей. Учиться в школе ему не пришлось; чтению он выучился сам, в то же время сильно пристрастившись к рисованию. В 1830 году, после смерти отца и старшего брата, П. А. пытается продолжать отцовское дело, но неудачно. Обладая большой любовью к различным ремеслам и с ранних лет, самоучкой, хорошо изучив их, он в дальнейшем добывает средства к существованию столярным и часовым делом. Не имея под руками почти никаких руководств, окруженный насмешками соседей-мещан, Зарубин с необыкновенным увлечением берется за прикладную математику и, путем опытных упражнений, доходит сам до законов физики, астрономии, геодезии и топографии.

*) Сколько-нибудь полной библиографии о Потехине нет и посейчас; литературная критика занималась им немного. Предстоит большая работа по собиранию о нем газетных и журнальных статей, некрологов, иконографического, эпистолярного материала и т. п.

Полное собрание сочинений Потехина выпущено в 1904 г. из-в-м «Просвещение» в 12-ти т.т. (под наблюдением самого автора). Но едва ли оно может считаться полным, т. к. разнообразные журнальные статьи сюда не попали. Над библиографией сочинений Потехина также предстоит еще большая работа.

**) «Описание Костромской губернии» Опыт географии для городских училищ. Составил В. Ширяев. Изд. 2-е. Кострома 1892 г.

Тут начинаются для Зарубина обычные для российских самородков-самоучек мытарства. Имея возможность, по указу Сената 1843 г., поступить на государственную службу землемером и сдав блестяще экзамен,—он не может устроиться из-за того, что нужны 700 рублей для дачи взятки губернскому землемеру. Ему ничего не остается сделать, как предложить любимую свою картину «Благовещение», которая и устраивает его на должность чертежника, но без жалования и пособия.

В должности чертежника Зарубин много работает над усовершенствованием различных землемерных инструментов, выказывая необыкновенные способности. Но долго еще продолжают его мытарства, т. к. невежественному начальству работы П. А. не по душе. Получив в 1853 г. звание землемера, окрыленный этим,—Зарубин посылает ряд своих изобретений (планиметр и др.) в столицу. Академия обращает внимание на талантливого самородка, и даже награждает его премией. Но дальше опять начинается преследование местного начальства, предписавшего П. А. воздержаться от дальнейших изобретений. Зарубина даже понижают по службе и переводят в Москву—в Мезевой корпус.

В 1858 г. он уезжает на родину и, занимаясь часовым ремеслом, посвящает свободное время литературной работе. 1863 год—один из счастливых в жизни этого самоучки: министр А. А. Зеленый вызывает его в Петербург и определяет на должность помощника директора Сельско-хозяйственного музея. Здесь Зарубин делает массу интересных изобретений, обративших на себя всеобщее внимание. Умер П. А. в Петербурге, 31 июля 1886 года.

Литературная деятельность Зарубина менее известна, чем его изобретения. А, между тем, он написал несколько талантливых произведений и в литературной жизни страны играл довольно заметную роль, будучи редактором «Петербургского Листка» с 1867 по 1878 г.

Мы здесь не будем останавливаться на научных трудах Зарубина^{*)}, а укажем на его литературные произведения. Из беллетристических его творений известны: «Жизнь». Ром. «Библ. для чт.», 1861 г., № 1—3.—«Торговая Волга», прод. ром. «Жизнь». «Библ. для чт.», 1861 г.—«Темные и светлые стороны русской жизни», ром. 2 т. («Эпоха» 1872 г.).—«Мешанская женитьба». «Библ. для чт.», 1862 г., № 11—12.—«Происшествие сороковых годов». Эпиз. из ром. «Эпоха», 1864 г., № 3, 4.—Как редактор «Петербургского Листка», он, очевидно, немало писал и в этой газете, а, быть-может, и в других изданиях, но, за отсутствием библиографических данных, количество написанного Зарубиным установить пока трудно.

Литературные произведения Зарубина дают ценнейший материал для уяснения прошлого приволжской жизни нашего края. В них проходит жизнь Среднего Поволжья 30—40 гг. прошлого столетия и освещены любопытные стороны судоходства того времени, волжская природа, типы волгарей и бурлаков, бытовые черты пучежской и окрестной жизни. Интересны эти произведения и тем еще, что проливают свет и на личность самого автора: имея несомненный автобиографический отпечаток, они помогают проследить историю жизни этого удивительного нашего самородка, занимавшего одно из видных мест в длинной веренице русских самородков.

Как писатель-художник, Зарубин не изучен и сколько-нибудь подробной литературно-критической характеристики о нем не имеется. Предстоит большая задача—собрания о Зарубине био-библиографических материалов, рукописных и иконографических, переписки, и воспоминаний; необходимым также представляется и популяризация его среди широких трудящихся масс.

И вполне своевременно обращение автора заметки о Зарубине Л. Богданова к согражданам писателя—пучежанам: «Помнит ли П. А. Зарубина его родина—Пучеж, имеется ли там школа или библиотека его имени? Если нет,

*) Био-библиографический очерк о нем см. в альманахе «Начало» № 2—3. Ив. Вознесенск, 1922 г. Л. Богданов. П. А. Зарубин (к 35-летию со дня смерти).

следует поторопиться, кому следует, открытием таковых и приобретением для них портретов даровитого земляка».

От приволжских местностей нашей губернии нам предстоит теперь перебраться к Иваново-Вознесенску 40—80 годов: там мы находим литературное ядро, группирующееся вокруг литератора Вас. Ар. Дементьева. Но, прежде чем познакомиться с ивановскими писателями того времени, попробуем сначала, хотя бы в самых кратких чертах, представить общественно-экономический и культурный фон этого города в середине прошлого столетия.

Иваново в 40—60 годах XIX в.

Процесс экономического развития села Иванова к середине XIX века идет усиленным темпом. Правда, торгово-промышленный характер этого крупного местечка определился еще давно,—и уже архивные материалы XVII столетия указывают нам на занятия ивановских жителей выработкой и продажей холста. В XVIII веке «в оном селе Иванове у обывателей имеются фабрики полотняные, на которых штуки разные ткют канифасы, салфетки и прочие им подобные, и не токмо на фабриках, но и кроме их полотно знатные строят и белят, которые полотна и в других местах честь имеют, и множество тех полотен отвозят торговые по разным странам». Но в это столетие ивановская промышленность еще далеко не походит на фабричную: производство холста и набойки его проходят чисто кустарным способом, в так называемых ткацких светелках и набойных избах, при чем кустари-«горшечники» обходятся по преимуществу трудом домашних, лишь в редких случаях прибегая к найму со стороны.

Развитие фабричной промышленности.

Начало XIX века знаменуется резким поворотом к механизации производства; с 1828 г. в Иванове вводится впервые механическое печатание ситца, а на одной из фабрик в 1832 году пускается в действие и паровая машина. В 1840—50 гг. ивановские фабрики заметно механизированы. Это порождает борьбу между набоечниками-кустарями и фабрикой; однако, кустарный способ обработки тканей в селе держится еще долго, противопоставляя дешевой фабричной выработке необыкновенно прочную, оригинальную по рисунку набойку.

К 60—70 гг. укрупнение фабричной промышленности можно считать вполне определившимся. По статистическим данным 1871 года (за год до соединения Вознесенского посада с селом Ивановом), «в Иваново-Вознесенске жителей 10.832 чел., фабрик и заводов—48, из них: ситцевых—38, бумагопрядильных—1, бумаго-ткацких—4, химических—3 и механических—2. Число рабочих на всех этих заведениях было свыше 10.000 человек, сумма производства простиралась до 12 миллионов рублей» *). В эти десятилетия Иваново уже имеет титул «Русского Манчестера», и эта репутация за ним упрачивается.

Социально-классовое расслоение села.

Вместе с процессом экономического развития района (подобный процесс происходит и с промышленностью Кинешемского уезда, вичугской округи и др. мест губернии), в середине прошлого столетия наблюдается и параллельное образование и развитие в Иванове класса промышленной буржуазии. Выступившие на промышленную арену дельцы-фабриканты Ямановские, Зубковы, Гарелины, Гандурины, Напалковы и другие, недавние крепостные, выкупившись на волю, с невероятной быстротой богатеют, расширяют фабрики, и, не взирая на конкуренцию, вполне осознают общность своих классовых интересов, вступают друг с другом в родственные отношения и мало-по-малу захватывают власть над общественно-политической и экономической жизнью города. К 70-м годам быт промышленной буржуазии скла-

*) П. М. Экземплярский. Образование Иваново-Вознесенской губернии. Сб. «Иваново-Вознесенская губерния», т. I. изд. «Основа», 1924 г. Данные о развитии ивановской промышленности начала и середины XIX в. взяты нами из этого очерка.

дывается в своеобразное царство денежной силы. Город резко разделяется на хозяев-фабрикантов—полных властелинов—и огромную массу порабощенных пролетариев, с прослойкой между ними в виде незначительной группы фабричной интеллигенции и мелких служащих, тяготеющих к денежному классу.

Положение рабочего класса.

Подходя к положению ивановского пролетариата с начала пореформенного периода до конца 80 годов, мы видим здесь тяжелые картины бытия пролетариев. Данные исследовательских работ по истории рабочего класса в России отводят значительное место жизни ивановского пролетариата (Туган-Барановский, Балабанов и др.), и констатируют чрезвычайно безотрадное положение угнетенной массы. Насколько фабричная, домашняя и бытовая обстановка рабочих была неудовлетворительна, свидетельствует то, что даже представитель фабрикантов—местный историк Я. П. Гарелин—считает своим долгом обратиться на нее внимание общества. (Я. П. Гарелин. «Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский Посад», ч. II-я, гл. IV «Рабочий в Иваново-Вознесенске»). Продолжительность рабочего времени была в 14 часов; реальная заработная плата ткачей в 1858 году колебалась в месяц от 10 до 16 руб. серебром, да из них делались вычеты в виде «штрафов «за всякую малость»; фабричные помещения ни в какой степени не удовлетворяли требованиям санитарии и гигиены, и это вполне можно применить и к казарменным квартирам. «Трудно себе представить,—пишет Гарелин о скудном питании ивановского пролетариата,—каким образом рабочий, употребляя подобную пищу, может выдержать ту работу, которая ему предоставляется».

Жестокая эксплуатация захватывала не только рабочего-мужчину: ей подвергались в сильной степени и женщины-работницы и подростки. На фабрике Никона Гарелина в начале 80-х годов эксплуатации подвергались больше чем одна треть детей и подростков и до 40% женщин.

«Резюмируя данные о положении иваново-вознесенского пролетариата, мы можем сказать, что здесь—все признаки эксплуатации, свойственной эпохе первоначального капиталистического развития—эксплуатации жестокой и безграничной, когда капитал имел перед собою обнищавшего и подавленного рабочего, готового взять работу на любых условиях» *).

Даже само начальство порой было вынуждено признать бедственное экономическое положение рабочих в Иваново. На запрос «III Отделения» жандармский капитан Тимофеев, проживавший в Шуе, доносит в своем рапорте, что «рабочие в высшей степени подавлены гнетом своих хозяев-фабрикантов, сильно их эксплуатирующих. Низкая заработная плата, при чрезвычайно дорогой визне в селе Иваново продовольственных припасов, еще более уменьшается разного рода вычетами и штрафами, которые взыскиваются фабрикантами за разгул и прочее» **).

Помещичье управление.

На бытовые особенности Иваново-Вознесенска влияет, помимо указанных классовых расстройств, и другое обстоятельство. До 1861 года село представляет крепостную вотчину графа Шереметева. Формы своеобразного управления вотчиной (правда, не особенно характерные в той или иной степени отражаются на внутренней жизни селения. Нельзя упустить из виду, что ивановцы ведут долгую и упорную борьбу с Шереметевым за землю. Позднее, влияние помещичьего управления заменяется уже более организованной системой государственных учреждений, с всевозможным чиновничеством и полицейским управлением, усиливающим режим ситцевых королей.

Общественно-культурная жизнь.

Общественно культурная жизнь села 50—80 г. весьма показательна для характеристики класса, возглавляющего крупный фабричный центр. Блага

*) П. М. Экземплярский. Иваново-Вознесенский пролетариат во второй половине XIX и начале XX столетия. «Основа», 1924 г.

**) Р. Кантор. К характеристике экономического положения рабочего элемента в Иваново-Вознесенске (1871 г.). «Архив Истории труда в России». 1922 г., кн. 5, стр. 22.

культуры доступны лишь властелинам,—трудовая масса о них может лишь мечтать. Вот какие любопытные сведения о «духовной жизни» верхов общества мы находим в письмах Н. М. Богомолова из Иванова к Нефедову*):

«Как живут и развлекаются в Иванове? спрашиваешь ты. Живут, как всегда, развлечением служит клуб... Для желающих Карс, кондитер есть в посаде такой кривоногий, открыл нечто в роде шниц-баликов, навез под фирмою арфисток девок каких то, весьма несурзных и идет у него пир горой. Эти фурны посещают по преимуществу немцы, да изредка какой-нибудь туз распустится до забвения своего положения, так завернет... Затем ничего нет, да, не знаю, кажется наше занятое население не особенно чувствует неудобство, происходящее от недостатка развлечений... Встают рано, обедают рано, а затем и ложатся рано: фабрика предписывает законы и им». («Труды Владимирской Ученой Архивной Комиссии», кн. XVII, письмо от 2 янв. 1870 г., стр. 69).

«В клуб я не хожу, а потому ничего не могу тебе сказать такого, чтобы составляло чем-нибудь заметный факт. До сих пор таким фактом может явиться только скандал, а от такого еще бог миловал, что то вперед будет. Затем люди сидят и играют—не говоря ни о чем. Проктируется впрочем устроить библиотеку и приноровить залу клуба так, чтобы она могла служить биржевою залой по базарным дням». (Там же, письмо № 23).

«Писать об Иванове понятно нечего: все может выразиться одним словом «скверно», насколько это «скверно» действительно скверно, это можно судить по тому, что твоя мать, такая горячая ивановка, и та кличку, приданную тобою Иванову, признает совершенно уместною и совершенно от сердца восклицает: уж именно чортово болото, так уж это и есть». (Там же, вып. XVIII, пис. № 43).

Не будем, однако, долго останавливаться на характеристике внутренней жизни Иванова середины прошлого века,—интересные данные из биографий и произведений ивановских писателей этой поры дополняют и уточняют бытовую картину своеобразного ситцевого царства. Сейчас уже можно перейти непосредственно к литературе этого времени.

В. А. Рязанцев.

Наше внимание, прежде всего, останавливает Василий Алексеевич Рязанцев. Он родился в 1829 году, в семье крепостного дворового человека графа Шереметева. Обладая умом и расторопностью, отец Рязанцева сумел быстро выдвинуться по административной лестнице и был назначен управляющим селом Иваново.

Детство писателя прошло в Иванове, и в материальном отношении было вполне безмятежным: отец его имел неограниченную власть и жил барином. Учиться В. А. начал в местной сельской школе, а затем был отвезен в Москву и определен в 1-ю гимназию. Гимназию он, однако, не окончил; как догадывается Л. Богданов**), это ему не удалось «повидимому только, как сыну дворового человека, доступ которым к образованию по законам того времени был крайне труден, а порою воспрещался и совсем». Десятинадцатилетним юношей Рязанцев возвращается в Иваново, где жизнь его пошла довольно беспорядочно. Обеспеченный, не имея определенных служебных занятий, он отдается всевозможным праздным развлечениям, хотя, любя литературу, в промежутки иногда и зачитывается книгами, случайно попадавшими под руку.

Двадцати одного году, отец, освободившийся от крепостной зависимости и теперь уже купец 3-й гильдии, женит В. А. на вольноотпущенной девушке и, чтобы отвлечь сына от кутежей, открывает для него небольшую фабричку кустарного типа. Но Рязанцев не сумел справиться с этим коммерческим де-

*) Ник. Мих. Богомолов, публицист, сотрудник многих периодич. изданий городской учитель, род. в 1841 г., ум. в Москве 9 января 1888 г.

**) *Леон. Богданов*. В. А. Рязанцев. «Иваново-Вознесенский Губернский Ежегодник на 1921 г.», стр. 294-296. Биографические сведения взяты отсюда. Кроме этой статьи мы не можем указать других работ о Рязанцеве, если не считать некролога Нефедова о Р. в «Развлечении» («Письмо к редактору», Ф. Уводин, 1866 г., т. XVI, № 45, стр. 312-314).

лом и через два-три года раззорился. В дальнейшем жизнь его резко изменяется, и от беспечальной юности остаются одни лишь воспоминания. У него умирают родители, и нужда заставляет молодого человека, не привыкшего к упорному и систематическому труду, искать заработка. Поступить на службу к местным капиталистам В. А. не удается; он берется за сапожное ремесло, затем за столярное. Нужда все растет и растет и «живой, впечатлительный, прямой» Рязанцев ищет забвения в вине.

Неизвестно, помышлял ли серьезно в это время В. А. о писательстве, но одно обстоятельство много содействовало тому, чтобы направить его на литературный путь и, хотя отчасти, скрасить его житейскую обстановку. Около 1853 года в Иваново переселяется Вас. Ар. Дементьев, небезвестный в то время «вольный учитель» — литератор (автор народного рассказа «Левка-Бобиль» и многих стихотворений и статей). Здесь он заделался учителем в женской прогимназии и кроме того учил бесплатно у себя на дому детей ивановской бедноты. Это был чрезвычайно даровитый, отзывчивый, прекрасный человек; в темном ивановском царстве 50—60-х годов он являлся настоящим светлым лучом. Вот около этого-то скитальца-писателя и образовался кружок из любителей литературы, куда вошел и Рязанцев вместе с ним и друг его Нефедов. Литературные беседы в кружке, очевидно, самым благоприятным образом подействовали на В. А., и уже в 1854 г. в журнале «Сын Отечества», в № 12, появляется его рассказ «Хороший человек». Дальше литературные занятия Рязанцева не прекращаются и он сотрудничает в качестве корреспондента в «Московских Ведомостях».

В 1862 году из Иванова уезжает Нефедов, а затем и Дементьев. Рязанцев остается один. Нужда становится все тяжелее и больше. Он, правда, не бросает литературы, но пишет мало; «причиной к этому являлось, помимо тяжелых жизненных условий и то обстоятельство, что он, по свидетельству Ф. Д. Нефедова, не получал за свои произведения платы. А это для него, существовавшего на гроши, было весьма существенно». В 1866 г. в ж-ле «Развлеченные» (№№ 25—29), появляется новое произведение Рязанцева, повесть «Добрый человек», где рисует жизнь ивановцев. Этот же год был и последним в жизни писателя. Вот как вспоминал о бедственном положении Рязанцева Нефедов, встретившийся с ним в Иванове, незадолго до смерти В. А.: «Положение его в это время было самое печальное: во всем доме не было пятачка, на который можно было бы купить хлеба».

Надорванное суровыми материальными недостатками и страстью к вину, здоровье Рязанцева становится все хуже и хуже. 7 ноября 1866 г. он скоропостижно скончался, оставив в нищете жену и четырех детей.

Литературное наследство Рязанцева невелико: помимо указанных выше произведений, можно лишь добавить два рассказа «Божьи люди» (1866 г., № 17 «Развлеченные») и «Знахарь» (1867 г., № 14—15, там же), оба напечатанные уже после смерти автора.

К числу выдающихся писателей края Рязанцев не принадлежит. Обладавая несомненным талантом, он не выразил в своем творчестве всего, чем болела и возмущалась его душа. В литературной жизни края этот писатель проходит как один из загубленных талантов, сломленных материальными невзгодами и захваченных в нездоровой атмосфере ситцевого царства.

В произведениях Рязанцева мы находим любопытный местный материал. И очень стоит потрудиться над собиранием сведений об этом писателе: биографические подробности и переписка должны помочь более детальному ознакомлению с общественной жизнью Иванова 40—60 годов и, быть может, также прольют свет и на характеристику дементьевского кружка, в котором концентрировалась жаждущая знаний ивановская молодежь.

Ф. Д. Нефедов.

Более плодотворным по оставленному литературному материалу и гораздо значительнее Рязанцева был Филипп Диомидович Нефедов. Жизнь и творчество Нефедова представляются настолько интересными в краевом отношении, что мы должны остановиться на нем поподробнее.

Родился Нефедов в Иванове в 1838 году, 6 октября. Отец его был крепостным крестьянином и имел небольшое промышленное заведение—ваточную фабричку. Детство писателя шло тихо и беспечно. Учился Нефедов в первом приходском ивановском училище, шел одним из первых учеников. В автобиографической повести «Детство Протасова» школьные годы им зарисованы любовно и довольно подробно. Но на этом и кончилось его первоначальное систематическое обучение: отцу нужен был помощник по торговле, учиться еще было бы роскошью, по взглядам родителей,—и Нефедов вынужден заняться торговыми делами.

Но писатель остро чувствовал недостаточность своего образования: обладая страстной, увлекающейся натурой, он затаил мечту о продолжении обучения, а пока жажду знаний утолял чтением случайных книг. В селе он пробыл десять лет, часто раз'езжая по делам отца в окрестные города и селения. В Костроме Нефедов познакомился с Н. Ашмариним, в котором нашел руководителя своему самообразованию. В это время его литературные интересы углубились, а вместе с тем определилась и склонность к этнографическим наблюдениям. Первой напечатанной работой Нефедова был очерк «Из путевых заметок по Нерехтскому уезду» (Костромские Губернские Ведомости, 1859, № 6), где он и выразил свои впечатления от торговых поездок.

В дальнейшем мы должны отметить участие Ф. Д. в дементьевском литературном кружке, вместе с Рязанцевым и другими молодыми людьми. В темном, грубом Иванове это был свежий уголок, где молодежь горела верой в знание и где велись оживленные споры на литературные и общественные темы. Кружок воколыхнул юношу Нефедова и способствовал осуществлению заветной мечты—дальнейшего учения.

В домосковском периоде жизни писателя следует упомянуть о любопытном факте, который биографами Нефедова не приводится—это работа Ф. Д. в воскресной школе села Иваново в 1861—62 г. вместе с 14-летним мальчуганом С. Г. Нечаевым и несомненное влияние писателя на последнего *).

В школе было свыше ста человек, но просуществовала она недолго. За «вредное направление» это полезное просветительное учреждение было закрыто. Обнаружилось, что в школе в ходу были газеты и журналы. Смотрителю шуйских училищ дается из Владимира строгий наказ—следить за «обязанным крестьянином графа Шереметева Нефедовым». Нефедов пишет в «Московских Ведомостях» заметку, где, под псевдонимом «Ф. Уводян», свидетельствует о беседах со слушателями школы по истории и естествознанию. Тут уже владимирский директор училищ не выдерживает, и в отношении своем к смотрителю шуйских училищ возмущается: «на каком основании преподаватели вменяли себе в обязанности знакомить слушателей с важными эпохами исторической жизни русского народа, замечательными историческими личностями, явлениями природы и пр...; под благовидным предлогом распространения в народе грамотности, люди злоумышленные покушались развивать вредные учения, возмутительные идеи, превратные понятия о собственности и безверие...»

В сентябре 1862 года Нефедов, вопреки воли родителей, бросает Иваново и уезжает в Москву, с целью сдать экзамен при университете, а вместе с тем и проверить, насколько прочна в нем способность к писательству и стоит ли его продолжать. Но ивановское о-во не дало ему разрешения на учение в высшем учебном заведении: относясь враждебно к «выскочкам», мещане-ивановцы не выслали писателю увольнительного акта, необходимого ему, по законам того времени, как принадлежавшему к крестьянскому сословию.

Нефедову пришлось возвращаться в Иваново. И вот какие строки находим мы в его дневнике от 28 марта 1863 г.:

*) Документальные данные об этом имеются в интересном докладе П. М. Экземпларского. «Село Иваново в жизни С. Г. Нечаева» (прочитано на общем собрании губ о-ва краеведения 6 мая 1924 г.). Тезисы этого доклада напечатаны. См. также «С. Г. Нечаев в с. Иваново в 60-е годы» (Письма Нечаева к Нефедову)—Н. Ф. Бельчикова, ж-л «Каторга и ссылка», № 1 (14), М. 1925 г., стр. 134-136.

«В течение трех месяцев я ничего не записывал. Хотя и многое, многое нужно было бы сказать о своем житье-бытье. Но теперь не время отдавать отчет за три месяца: через два часа еду в свое родное болото. Здесь скажу одно, что не достиг своей цели: общество не выслало увольнительного акта, и правление университета не допустило меня к экзамену.

Не знаю, что ждет меня в болоте. Воображение рисует не радостную перспективу: двусмысленные взгляды антагонистов, а они—все население болота, война с невежеством и с грубою силою зоологического царства и многое, многое в этом роде... Не радостна картина будущего!

Москву я оставляю не без грусти, но и не без надежды скоро опять ее увидеть. Неужели эта грубая, материальная сила станет поперек дороги и заставит меня отказаться от всех стремлений, которыми жила душа с младенчества, и затаен в самую глубину омута животного царства? Нет, тогда я откажусь от самой жизни и с презрением скажу животной силе: я не буду твоим рабом!» (газ. «Старый Владимирец», 1916 г., № 72).

Надежда снова увидеть Москву не оказалась напрасной: в мае 1863 г. энергичный Нефедов снова выбрался в столицу. Здесь на первых же порах пришлось приняться за добывание средств для существования, и вместе усиленно готовиться к поступлению в университет вольнослушателем. Нефедов дает уроки, работает в библиотеке А. Ф. Черенина, а в 1865 г. даже состоит и негласным редактором ж-ла «Книжник», где ведет (под псевд. Заушилов) отдел текущей журналистики. Литературная деятельность его в этот период растет; пишет он много, и на самые разнообразные темы—рассказы, фельетоны, публицистику. Сотрудничая в «Веке», «Московской газете», «Московских Губ. Ведомостях», «Молве», «Дне» и в «СПб. Ведомостях», Нефедов подписывает свои произведения, то Ф. Уволин, Иван Беспечальный, Житель желтого дома, Незаметный, Не скажутся, Попромов, Д. Яблоков, то Н. Глебов, И. Б., Ф.—в и др. Эта большая литературная работа дает Ф. Д. средства для прожития, но спешность сказывается на стиле и построении первых произведений писателя.

Большой материал для творчества дают ему ивановские впечатления. Отрывчивое сердце Нефедова остро почувствовало несправедность ивановской жизни, резкие социальные противоречия отозвались на впечатлительном, полном веры в лучшее, молодом человеке. Пылая любовью к народу и желая ему служить, Нефедов, подогретый народническим идеализмом, пишет и о своем роаном селе. В 1864 году в «Развлечении» появляется большой его рассказ «Чортово болото. Фома Неверный и его деяния» (№№ 18, 24, 29, 31, 36, 46, 49, 50), где описываются проделки судебного следователя-взяточника и зарисован ивановский быт.

Дальнейшее пребывание Нефедова в Москве характеризуется поступлением его вольнослушателем в университет, обширным знакомством с литераторами и учеными, дружбой с А. И. Левитовым, Н. М. Богсоловым, И. П. Рассадным, А. Е. Носом и др. Это были счастливые годы для писателя, много давшие для его духовного развития и выработки общественных взглядов. Время это и работу народнического кружка Нефедов описал в биографии А. И. Левитова, где вывел себя под буквами NN. «Отличительную черту этого кружка,—вспоминает он,—составляли: преследование высших целей жизни и неутомимое искание правды, истины. Для этой цели, помимо университетских занятий, все много работали над собою и готовились к честной и полезной общественной деятельности...» (Собр. соч. Левитова, М. 1884, т. I).

С 1868 г. (год женитьбы Ф. Д.) стали появляться и наиболее выдающиеся произведения Нефедова: «Деревенские очерки» («Современное обозрение», 1862 г., № 2), «Девичник» («Отечествен. Записки», 1868 г., № 9), «Иван воин» («Неделя», 1868 г., №№ 42, 43), «Святки в селе Данилово. Очерки русской фабричной жизни» («Вестник Европы», 1871 г., № 3), «Леший обол» (там же, № 9), «Безоборочный» («Грамотей», 1871 г.).

В 1870—72 г. писатель находится в Иванове, куда, после неудач семейной жизни, он уехал забыться и отдохнуть. В Иванове Нефедов принимает

самое горячее участие в борьбе за землю своих «бедных братьев» с владельцем. В ряде статей он доказывает несправедливость вторичного выкупа крестьянами своей земл. («Молда» и «Беседа»—«Новый выкуп», № 1, 1872 г.). Вместе с этим Ф. Д. занимается и изучением ивановских фабрик. Его корреспонденции «Наши фабрики и заводы», писанные по заказу «Русских Ведомостей» (1872 г., №№ 59, 60, 61, 62, 79, 80, 82, 83, 84, 85) обращают всеобщее внимание.

Возвратившись в Москву, Нефедов углубляется в этнографическую работу. Принимая деятельнейшее участие в политехнической и антропологической выставках, он выдвигается в члены О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, и с этого времени начинаются его разнообразнейшие этнографические и археологические экскурсии, давшие ценный материал по народному творчеству, быту и пр.

Раскопки Нефедова в Рязанской, Костромской, Владимирской губ., в Крыму, в Прикамьи и др. местах, исследование могильников (Ананьевский) и гробниц много помогло для изучения древнейших культур.

В 1876 году мы видим Ф. Д. редактором «Ремесленной газеты», а в середине 1879 г. он приглашается на должность редактора газ. «Русский Курьер». Служба в последней значительно поправляет материальные дела писателя. Но интересная работа в «Рус. Курьере» продолжается недолго: 19 марта 1881 г. Нефедов арестовывается и подвергается одиночному заключению, освобождаясь (под надзор полиции) лишь через три месяца. Арестован он был по подозрению в соучастии с С. Г. Нечаевым, у которого найдена была шифрованная записка, с сообщением неизвестному лицу, что для поднятия восстания следует воспользоваться благоприятной почвой в Иваново-Вознесенске, в чем Нефедов может помочь *).

В дальнейшем Нефедову снова приходится тянуть лямку литературного пролетария, существуя исключительно литературным трудом. В это время появляются по преимуществу его чисто-беллетристические произведения (в «Наблюдателе», «Русской мысли», «Северном вестнике», «Развлечении», «Будильнике»); следует отметить также в этот период и его работу в качестве постоянного сотрудника «Русских Ведомостей» (статьи об Иваново-Вознесенске «Русский Манчестер», 1885 г., №№ 267, 269, 292, 301).

В конце-концов, Нефедов был вынужден перебраться из столицы во Владимирский уезд, в дер. Перебор; этим переездом он хотел уменьшить свои расходы, отдался более серьезно литературе и помочь старику-отцу и сыну. В Переборе Ф. Д. были написаны «Детство Протасова», «Чудесник Варнава», «Стена Дубков» и мн. др. произведения. Жизнь писателя потекла здесь скромно; навещали его друзья-москвичи, завязались близкие сношения с Владимиром и Плесом.

Умер Нефедов 12 марта 1902 г., в присутствии друга-литератора Ф. Н. Митропольского и библиографа владимирца А. В. Смирнова. Похоронен он в Москве на Ваганьковском кладбище, за счет редакции «Русских ведомостей»; могила его находится рядом с А. И. Левитовым и М. А. Вороновым. В мае 1913 г. на могиле писателя поставлен, «в 4 разряде», гранитный памятник **).

Переходя к творчеству Нефедова и рассматривая отдельные его произведения, мы констатируем в них заметное и своеобразное отражение целой эпохи жизни крупного промышленного села центральной полосы России. Еще

*) По своим мирным народническим взглядам Н. едва ли разделял «нечаевщину» В писателе к нему его друга Н. Богомолова мы находим следующее: «В настоящее время, в виду возмутительных последствий, истекающих из инициативы поддочков Нечаева и Оллова, я стал еще замкнутее и мысль, что эта нравственная и умственная сволочь своими руками взялась комкать судьбы людей, если и не особенно чем-нибудь неотличающихся, то трудолюбивых и честных, произвела на меня чисто физическое действие, вызвавшее особенное патологическое состояние». («Труды Владимирской Ученой Архивной Комиссии», кн. XVIII, стр. 106)

**) Биографические очерки о Нефедове см.:—А. В. Смирнов. Ф. Д. Нефедов. Его жизнь и деятельность. «Труды Владимирской Ученой Архивной Комиссии», кн. XVІІІ, 1917-18 г. (там же—указатель сочинений Нефедова и др. о нем).—Леон. Болданов. Забытый писатель из народа Ф. Д. Нефедов. «Начало», № 1. Ив.-Возн. 1921 г.

в детстве и юности писатель рассмотрел на нерадостную социальную обстановку Иванова и понял тяжесть болотного ивановского быта. Это сознание толкало его вон из родного села, но, вместе с тем, направляло взор художника-наблюдателя и на необходимость привлечь общественное внимание к «бедным братьям» землякам.

В 1867 г. Нефедов записывает следующие, весьма показательные для его народнических настроений, строки: «Мало по малу возникают передо мною родные картины. Я вижу родное село, все занесенное снегом, а над ним со всех сторон небесный свод, висящий свинцовым куполом. Однообразен и мертвен вид моей родины! Но что же в нем таится дорогого моему сердцу, что поднимает во мне все силы моей души и от чего подступают к глазам моим жгучие слезы?.. Вот за стеной раздались звуки фортепьяно, и в них мне слышатся скорбные жалобы и вопли бедных моих братьев, изнывающих под гнетом нищеты и губящего невежества; и чем мягче и нежнее льются за стеною звуки, тем глубже и более отзываются в моем сердце людские страдания и беспредельная скорбь! И хочется мне лететь туда и осушить льющиеся слезы, уничтожить из рода в род передаваемое горе и вызвать светлый луч разумной улыбки на бледные и жалкие лица бедных моих братьев!..»

Посмотрим, как отражены Нефедовым отдельные этапы промышленного развития Иванова.

В автобиографической повести «Детство Протасова» писатель рассказывает о том времени, когда еще в селе текстильное производство носило кустарный характер: «завестись в то время фабрикою не требовалось большого капитала: стоило приобрести два-три горшка, чтобы было в чем варить краску, да купить на целковый материалу—и фабрика пошла в ход; миткаль был свой, его ткали у нас в каждой избе. Таких фабрикантов и звали горшечниками». В очерках об Иванове, помещенных в «Русских Ведомостях» 1872 г., Нефедов говорит о времени возникновения крупных ситценабивных фабрик и начавшемся процессе механизации производства. Из этого периода он дает нам любопытный тип набойщика Ивана Федоровича Курицу, который пронизывает в пьяном виде над введением машин на фабриках, предчувствуя, однако, опасность и конкуренцию со стороны пара своему ручному, в то время хорошо оплачиваемому, труду: «Машина... Пиротины завели, пар везде пущают... Хе, хе, хе... Пар... а человек то. Как можно божие создание на пар променять? Забыли, что в человеке душа. А ведь заполонят, убьют наше рукоделие». («Детство Протасова»).

Дальше мы видим у Нефедова и Иваново 60 годов. В очерке «Девичник» (От. Зап., № 9, 1868 г.), село фигурирует под довольно прозрачным псевдонимом Бубново. Здесь писатель отмечает интересный момент в развитии промышленности, когда производство миткаля делается мелкими и миткаль работается на дому, в светелках, откуда и поставляется, по заказу хозяев, на ситцепечатные фабрики. Рисуя вечеринку в доме фабричной работницы Анны Максимовны и давая картины развлечений рабочих и мешанских словес села, чрезвычайно подробные в этнографическом отношении, Нефедов в этом очерке отводит место и описанию села. Его поражает несоответствие и контраст каменных купеческих палат с рваными, жалкими лачугами рабочих; он даже настраивается на сатирический лад и острит о фабрикантах: «Богатство их с каждым годом растет; сами они не по дням, а по часам разлажаются во все стороны и приобретают великую красоту лица, а со супругам и говорить нечего: они положительно могут быть уподоблены тучным коровам Фараона». Из бесед работниц-девиц выясняется и наличие эксплуатации рабочего труда со стороны фабрикантов. «—Бумагу больно плохо стали давать, да провесы все... Уж очень строгости у них большие пошли...» Наконец, в очерке «Девичник» мы находим и удивительно-художественное по силе выразительности описание приближения утра в селе. Кто жил в Иваново, тот, вероятно, особенно хорошо представляет темную городскую ночь, фабричные гудки и темные фигуры рабочих, спешащих из слободок начинать трудо-

вой день. «Звезды еще ярко блестели над селом Бубновым, но в холодном воздухе уже чувствовалось, что утро приближается и недалеко. Скоро раздались свистки, сигнал к трудовой жизни, и поняли на ноги все спящее царство труда. В улицах началось движение, замелькали люди и послышались голоса».

Иванову посвящен Нефедовым и яркий очерк из рабочей жизни «Святки в селе Данилово» («Вестн. Евр.», № 3, 1871 г.). В первой главе этого очерка отведено значительное место внешнему виду Данилова—Иванова; писатель говорит о том, как фабричный дым и едкие отбросы сушат и делают жалкой природу, портят реку, отравляют в ней рыбу. Данная Нефедовым образная грустная картина гибели чайки, наклевавшейся такой рыбы,— вполне применима и вообще к тяжелой тогдашней ивановской жизни. Чайка, «печально крича и бессильно трепеща на светлом солнце серебристо-сизыми крыльями, стремглав падает из-под облаков в реку, или пруд—и тонет там, тщетно высвобождая красивую головку из речных захлестывающих наплывов».

«Все мало-мальское взрослое население с самого раннего утра уходит на фабрики и возвращается только поздно вечером... Собаки даже не бегают по улицам, потому что бедность, прилепленных к хоромам хат такова, что там самим часто бывает на зубы нечего положить, не то что завести собаку и накормить ее».

Мы не будем останавливаться на описании святочных развлечений села и на чрезвычайно любопытных фигурах рабочих Безбрюхова и Грузлева *); отметим лишь, что и в этом очерке писатель свидетельствует об эксплуатации фабрикантов и системе «черных списков».

Но Нефедов показывает нам и непосредственный рабочий труд на фоне тяжелых условий фабричного производства. К тем поражающим цифровым данным, которые фиксируют местные историки, народник-ивановец присоединяет свои живые впечатления. Перед нами встают жалкие картины. Вот как в очерках «Наши фабрики и заводы» («Русские ведомости», 1872 г., № 79) Нефедов рисует применение на ивановской фабрике (Гарелина, в зрельных, на вешалах и в др. отд.) женского и детского труда:

«Эти люди с головы до ног покрыты таким толстым слоем пыли, что нет возможности отличить их лица от платья. Большинство рабочих—женщины и девушки... Видим еще детей, мальчиков и девочек, которые подметают около машины и, частью ползая, вытирают рваной пряжкой грязь с шестерен, колес и т. п. Все, как взрослые, так и дети, работают стоя, в продолжении 12 часов в сутки сменные и 14-ти дневные, и ни на минуту не присядут, под опасением штрафа; работают они без обуви, разувшись и голыми ногами ходят по каменному полу, а мужчины даже без нижнего платья: душно, воздух пропитан запахом масла, кругом пыль, и температура 48° по Р.» На вопрос писателя, что делается в дальнейшем с подобными мальчишками, фабрикант отвечает, что «мы уже как то их не видим после... высыхают они... просто высыхают, совсем высыхают...»

Если бы не правительственная опека, мы могли бы увидели из-под пера Нефедова еще более поражающие картины ужасов рабочего труда. Но о нем уже было сообщено III Отделению, и писатель, очевидно, в силу цензурского запрещения, не мог продолжить свои очерки. «Одian из таковых (корреспондентов. М. С.), живущий в Москве и нередко бывающий в селе Иванове, купеческий сын Нефедов, защитник низшего класса населения... часто высказывается с предубеждением, искажением фактов и явным нерасположением ко всем фабрикантам, и вообще лицам состоятельным»,—так доносил из Шуи жандармский капитан Тимофеев**).

Но, отводя в своих произведениях столько места фабричному быту, Нефедов, в силу своих народнических убеждений, главное внимание устремлял

*) Разбор «Святки в селе Данилово» см. в книге *И. Н. Кубикова* «Рабочий класс в русской литературе». глава VII. В этой работе дана и марксистская оценка Нефедова.

**) Ст. *Р. Кантора* в «Архиве истории труда» (см. выше).

на крестьянство. Деревне средне-великорусской равнины, темным и светлым сторонам крестьянской жизни,—писателем посвящена большая часть его повестей, очерков и рассказов; из них особенно выделяется «Безоброчный». И нужно отметить большое знание Нефедовым народного быта, нужд крестьянства и больших сторон деревни (суеверие, напр.); многие типы его отличаются яркой обрисовкой, природная и бытовая обстановка—колоритностью. Эта «правда», соединенная, порой, с удачным художественным оформлением, и сейчас сохраняет некоторые его произведения не лишними интереса.

Все же художественная сторона является слабым местом в творчестве Нефедова: являясь наблюдателем-этнографом, он слабо постигал психологическую природу человека, вследствие чего его рассказы никогда и не были волнующими, захватывающими. Художественному впечатлению мешает также у Нефедова и сентиментализм.

Народнический уклон часто мешает писателю быть строго объективным. И если в указанных выше очерках его из фабричной жизни мы констатировали несомненную правдивость описанных явлений, то в ряде очерков народническая тенденция выпирает заметно и лишает их художественной правды. Относясь отрицательно к фабрике и к фабричной культуре, разлагающей свежего, неспорченного крестьянина,—Нефедов с предвзятостью рисует рознь деревенских и фабричных, награждая первых всеми добродетелями (патриархальность, степенность, положительность), а вторым приписывая пороки, пьянство, безнравственность и т. д. Такова повесть «Чудесник Варнава», «В тумане» и др. В этой предвзятости подхода к описываемым явлениям у Нефедова очень много сходного с Потехиным,—и поэтому, изучая его творчество, необходимо постоянно иметь в виду его народнический уклон и учитывать, в каждом случае отдельно, степень силы этого уклона.

При изучении Нефедова следует также принять во внимание и те его разнообразные мелкие заметки по разным вопросам, которыми он откликнулся на текущие, злободневные темы своего времени. Этот материал, равно как и многочисленные этнографические работы писателя*), должен быть строго учитываем при характеристике этого автора,—типичного народолюбца-разночинца, литературного пролетария, вынужденного в погоне за насущнейшим заработком тратить свое дарование и время на самые мелкие газетные и журнальные заметки.

Мы сознательно так долго задержались на Нефедове. В его лице наш край имеет одного из своих значительных писателей, честного гражданина-литератора, не мало сделавшего для того, чтобы обратить общественное внимание на печальное состояние угнетенных масс. Произведения Нефедова еще долго будут служить прекрасным иллюстрационным материалом для уяснения прошлого Иваново-Вознесенска, и не раз еще историк, поэт или художник будет возвращаться к его литературному наследию. Вот почему в настоящее время и представляется такой важной и неотложной задача изучения этого писателя.

Нефедовым много занимались владимирцы; во Владимире же и наиболее ценные и интересные его материалы: неизданные рукописи, переписка, иконография и мн. др.

Много сделал для библиографии сочинений писателя А. В. Смирнов: его «Указатель сочинений Ф. Д. Нефедова» («Труды владимирской ученой архивной комиссии», кн. XVIII) лучший до сего времени библиографический свод, хотя составитель сознает значительную его неполноту. Задача дополнения нефедовской библиографии остается в силе; трудность ее вполне объяснима тем обстоятельством, что под свои произведения Нефедов ставил самые разнообразные псевдонимы, вследствие чего, напр., чрезвычайно затруднительно определение его корреспонденций и мелких газетных статей.

*) Нефедов-этнограф ждет своего исследователя. Этнографические его изыскания одни из наиболее значительных в пределах бывш. Костромской губ.

А. В. Смирновым также библиографирована и литература о Нефедове (там же, стр. 25); за последние годы эта литература значительно возросла.

Архивные материалы о Нефедове разбросаны в разных городах. Большой архив писателя имеется во Владимирском музее *) (по преимуществу этнографические статьи и обширная переписка); в Ивановском губархиве имеются материалы о школьных годах Нефедова и др.; часть писем есть в Костромском губ. научн. о-ве краеведения, в Рязани и др. городах. Из всех этих документов опубликована самая незначительная часть.

Библиография о Нефедове и опубликование архивных его материалов— вот то неотложное, что необходимо сделать по Нефедову в самом непродолжительном времени.

Мы здесь не будем повторять библиографический указатель А. В. Смирнова, который занял бы значительное место; укажем лишь, что собрание сочинений Нефедова имеется в изд. Солдатенкова, т. I и II (1894—95 г.) и Дороватовского и Чарушникова т. III и IV (1900 г.), но это собрание бесконечно далеко до полного. Многие произведения Н. имеются и в отдельных изданиях.

С. Ф. Рыскин.

К концу XIX столетия относится также литературная деятельность Сергея Федоровича Рыскина. Этот поэт имеет многие права, чтобы называться певцом «Русского Манчестера», но до сих пор его произведения остаются разбросанными по отдельным журналам и почти ничего не сделано для их популяризации и изучения.

Рыскин родился 1 октября 1859 г. в селе Писцове, теперешнего Иваново-Вознесенского уезда, в семье владельца крупной ситценабивной фабрики. Детские годы поэта шли в этом селе, а затем в Иваново-Вознесенске, куда переселился его отец, поступив, после продажи своей фабрики, управляющим на ф-ку Полушина. Сначала он учится во владимирской гимназии, затем переводится в шуйскую, т. к. в Шую переезжает на жительство и вся семья Рыскиных. Гимназического курса, вследствие заболевания нервным расстройством, С. Ф. не кончил. Отец его внезапно умер, и юноше пришлось снова возвратиться в Иваново-Вознесенск. В 1879 г. Рыскин поступает учиться в ковровское железнодорожное училище. Здесь, в училище, он близко сходит с П. В. Заведеевым, тогда еще тоже начинающим писателем-владимирцем, и они оба выступают в журнале «Развлечение».

Окончив в 1882 году железнодорожное училище, Рыскин поступает машинистом на моск.-нижегор. жел. дор., но, прослужив всего полгода, увольняется и уезжает в Москву, чтобы отдаться всецело литературным занятиям. Устроившись в редакцию «Московского листка», он печатается одновременно в самых разнообразных журналах—«Развлечение», «Гусляр», «Русский сатирический листок», «Заноза» и, как догадывается Л. Богданов, в «Будильнике»**. С конца августа 1891 г. С. Ф. переходит работать в «Русский листок», в котором, также как и в «Петербургском листке», и помещает свои новые произведения.

Но здоровье его разрушалось вконец; материальная нужда вынуждала к тяжелой работе, а сил уже не было. Рыскин скончался 10 августа 1895 г. Похоронен он на кладбище Андрониева монастыря.

*) См. «Архив Ф. Д. Нефедова».—Вл. Резанов. «Труды Влад. Ученой Арх. Комиссии», кн. XVIII, стр. 24-27. Между прочим, у Нефедова был такой ужасный почерк, что он и сам часто с трудом разбирал свои письма-иероглифы.

В «Трудах Влад. Уч. Арх. Ком.» см. также и опубликованную переписку Нефедова.

***) Основные моменты биографии Рыскина нами взяты из ст. *Леон. Богданова*. С. Ф. Рыскин. «Иваново-Вознесенский Губернский Ежегодник». 1921 г.; там же имеются и некоторые библиографические указания. В настоящее время у Богданова находятся новые обширные материалы о Рыскине, собранные из изданий 1895 г., а также от товарищей поэта по школьной скамье, знакомых и жены. Эти материалы вносят много интересного в биографию Рыскина, написанную Богдановым и, по его словам, имеющую ряд неточностей, особенно в сведениях об образовании.

Стихи Рыскин начал писать рано, но печататься стал уже будучи в ковровском училище. Впервые он выступил в печати в № 12 ж-ла «Развлечение» за 1878 г.: здесь, под псевдонимом «Слово Рцы», было помещено его нашумевшее стихотворение «Ванька Каин», отрывок из поэмы «Кому вольготно весело живется в одном не то селе, не то горюде». Стихотворение это довольно ясно намекало на Иваново-Вознесенск и в нем, под именем Ваньки Каина, фигурирует ивановский фабрикант-миллионер И. Гарелин. Иваново-Вознесенску же Рыскин посвящает и целый ряд других своих сатирических произведений, напр.: «Вася безобразный» (последняя глава из поэмы вышеуказанного названия, «Развлечение», № 23, 1879), «Современная баллада» («В городе русском Манчестере, так он подчас величается, каждый год чудо великое, тайное чудо свершается»). Там же, № 2, 1880 г.), «Современная баллада» (№ 14, 1880 г.) и др. Первые строки последнего стихотворения уже давно стали излюбленными цитатами местных историков и литераторов:

Манчестера русского трубы дымят,
И дым пелену тяжелой
Скрывает усталого солнца закат...

В «Развлечении» же Рыскиным помещены и отрывки из поэмы в стихах «Железнодорожник» («Дядя орган», № 28, 1880 г., «Сорок из сорока сороков», № 47, 1880 г., «Герасим печник», № 22, 1881 г., «Дубинушка», № 23, 1881 г.).

Помимо своей фамилии, Рыскин подписывал произведения различными псевдонимами: Р., Р—и, С. Писцовский, Никсыр, Сигма-ро, Философ из Рогожской, Русский, Слово Рцы, С. Ф., Королев и Лягушатник,—и это в значительной степени затрудняет фиксацию всего, написанного поэтом. А Рыскину как раз, в силу постоянной нужды, приходилось размениваться и давать самый разнообразный литературный материал, вплоть до очерков, рассказов и даже романов. Из отдельных его изданий можно назвать лишь два—«Первый шаг», стихотворения, М. 1888 г., 456+VI стр. и роман из истории раскола «Купленный митрополит или рогожские миллионы». М. 1893 г., стр. 414.

Являясь по преимуществу юмористом-сатириком, Рыскин, очевидно, находил в Иваново-Вознесенске не мало явлений местной общественной жизни, достойных обличения. К этому времени ивановская текстильная промышленность вырастает в крупное механизированное производство и класс промышленной буржуазии здесь заметно укрепляется; капитал захватывает полное господство над жизнью города и его внутренними распрядами; вместе с тем, все явственнее обнаруживается тяжелое и бесправное-нечеловеческое положение рабочего класса. Чуткий Рыскин зорко приглядывается к ивановской действительности и свою сатиру направляет против тогдашних властелинов—представителей денежной силы; любовно рисуя жизнь бедного трудящегося люда, поэт проникается глубоком чувством сострадания к обездоленным массам и зло бичует темные стороны и неправды своего города. Принадлежность С. Ф. к сословию купечества (по происхождению) не наложила на поэта сильного классового отпечатка, так как еще с ранних лет жизнь кинула его в ряды подлинного умственного пролетариата, необеспеченного и не связанного никакой собственностью,—и Рыскин вполне может считаться как поэт с ярко выраженными социальными мотивами. Помимо оригинальной сатиры, которой вообще-то не так уж богата наша литература, Рыскин представляет некоторый интерес и как лирик.

Изучение этого писателя должно быть признано как одна из больших краеведческих задач. Нужно попытаться найти архив Рыскина, через его родственников узнать многие неизвестные биографические подробности, определить переписку; большой работы также требует и библиографирование его произведений. Нужно также издать хотя бы небольшой сборничек избранных стихотворений поэта, с портретом и биографией. Автор «Змеи

подкольной», вошедшей в многочисленные чтецы-декламаторы и даже хрестоматии, достоин внимания со стороны своих теперешних сограждан, как певец «Русского Манчестера», отныне ставшего «Красным».

К. Д. Бальмонт.

После Рыскина остановимся на Константине Дмитриевиче Бальмонте. Он родился в 1867 году 16-го июня н. с. в усадьбе Гумнищи, Шуйского уезда, в дворянской семье. Отец его был видным земским деятелем, мать—литературно-образованная женщина, сотрудница многих провинциальных изданий. Детство и юность поэта прошли в чисто интеллигентской среде. Учился Бальмонт в шуйской гимназии; здесь он увлекался общественными вопросами и, за принадлежность к кружку, был исключен из 7-го класса. Любопытные сведения о пребывании Бальмонта в шуйской гимназии дает один из преподавателей ее—А. Н. Овсянников, на основании собственных воспоминаний и данных гимназического архива *).

Мы не имеем здесь места останавливаться на особенностях творчества этого выдающегося уроженца края: блестящий поэт, сумевший придать стихотворному языку необычайную музыкальность, большой мастер стиховых форм, прекрасный переводчик и популяризатор лучших мировых поэтов, один из видных представителей русского декадентства и предшественник школы символизма,—Бальмонт безусловно войдет в историю литературы, хотя, будучи типичным представителем изощренной городской интеллигенции, с резко выявленным индивидуализмом,—поэт идеологически и не приемлем современной России: оторванный от живой действительности, уже давно достигший вершин своего поэтического дарования,—он едва ли уже будет играть заметную роль в текущей литературе.

Связь поэта с краем была сильна преимущественно в детские и школьные годы, и впечатления от родной природы несомненно отразились на его творчестве первого периода. Правда, поэт и в зрелые годы своей жизни навещал тихий, уютный городок Шую и семейное гнездо—Гумнищи, но эти посещения носили уже случайный характер.

Интересной задачей представляется—определить в поэзии Бальмонта черты местной природы, тот ее своеобразный колорит, который является показательным для северно-центральных губерний. Здесь особую важность приобретают даты и место написания стихотворений и сведения биографического характера.

Иваново-Вознесенский край в конце XIX и начале XX века. Революционное движение.

В конце XIX и начале XX века развитие промышленности Иваново-Вознесенского района идет гигантскими шагами. На текстильных фабриках вводятся последние усовершенствования заграничной техники, расширяются цехи, капитал захватывает все большее и большее число рабочих. «За последнее десятилетие XIX в. и первое пятилетие XX в. сумма производства на иваново-вознесенских фабриках повысилась в 2½ раза».

Иваново-вознесенская буржуазия в этот период сильно укрупняет свои денежные богатства и захватывает полное господство над общественной и культурной жизнью, сменяя уходящее дворянство (в уездах). Ивановское «ситцевое царство», как крупный промышленный центр, дает большие доходы и государству, которое не мало делает для укрепления режима местных фабрикантов. В целях ограждения промышленников, в это время в крае вводится усиленная полицейская охрана, должностная оберегать сугубо-тяжелый самодержавно-фабрикантский режим. К этому побуждают и значительные революционные движения, охватывающие губернию.

*) А. Н. Овсянников. Школьные годы поэта Бальмонта. Доклад на общем собрании Ив.-Возн. губ. науч. о-ва краседения в 1924 г. Архивные материалы о Бальмонте должны быть также во Владимире.

Несмотря на количественный рост, положение рабочего класса остается очень тяжелым. Если в конце XIX в. заработная плата и поднялась несколько в сравнении с пятидесятью годами, то в это же время возросли на 80% цены на муку, а квартирная плата увеличилась вдвое и втрое. «До 1895 года работа на ситцевых фабриках продолжалась от 14 до 16 часов в одну смену, а на ткацких и прядильных круглые сутки в 2 и 4 смены». Корреспондент «Русского Богатства» (за 1900 г.) так отмечает положение ивановского пролетариата *):

«Живут рабочие обыкновенно в простых избах, которыми застроены все предместья города. . . Обыкновенно в рабочих квартирах нет ни пола-тей, ни нар, и все квартиранты спят на полу... Вообще в этой области не замечается значительного улучшения с эпохи 70-х годов... На стол рабочие тратят обыкновенно от 4 до 6 рублей в месяц, причем главный расход падает на чай и сахар (около 20 руб. в год на человека), так как чай с хлебом составляет главную и в большинстве случаев единственную пищу рабочего. Я всегда недоумевал, откуда берутся силы длл 9—12-часовой работы у этих людей при таком питании. На вопрос, как они могут обходиться без горячей пищи, к которой привыкли дома, рабочие обыкновенно отвечают, что на фабрике есть не хочется». К этому нужно добавить постоянную игру в понижение расценок, увеличение штрафов, произвол мастеров и ужасные санитарно-гигиенические условия фабричных корпусов.

Такое положение вызывает усиление рабочих стачек, которые носят еще чисто-экономический характер. Но постепенно рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе революционизируется и к началу XX века вырастает в крупный общественный фактор, с которым приходится считаться как промышленникам, так и правительству. Вместе с ростом революционного движения, оно становится все более организованным и из стихийного превращается в классово-сознательное.

Первоначально происходит кружковая работа, руководимая интеллигентами-народниками, в которую постепенно вовлекаются и рабочие. Таковы кружки 1890, 1892 г.г. В 1895 г. возникает «Иваново-Вознесенский Рабочий Союз». После него, в 1899 г. организуется «Иваново-Вознесенский Комитет Р. С.-Д. Р. П.», переименованный в 1902 г. в Иваново-Вознесенскую группу Северного Союза **).

Члены этих организаций принимают немалое участие в проведении многих ивановских забастовок. В 1895 г. забастовки вспыхивают на ф-ках Гандурина, Бурulina и т-ва Иваново-Вознесенской Ткацкой М-ры. Количеством бастующих и продолжительностью особенно выделлась стачка 1897—1898 г.г. Массовое рабочее движение завершается в 1905 году знаменитой стачкой иваново-вознесенских текстилей, продолжавшейся более двух месяцев и с участием нескольких десятков тысяч рабочих. Задушенное движение прорывается и в период реакции; в 1915 году происходят печальные события 23 (10) августа.

Рабочие движения ожесточают правительство и промышленников, и с каждым поражением пролетариата они усиливают свой охранительный режим ***).

*) Сведения берутся из очерка П. М. Экземплярского «Иваново-Вознесенский пролетариат во второй половине XIX и начале XX века».

**) См. помимо работы П. М. Экземплярского, очерки Самойлова, Варенцовой, сб. «Воспоминания Иваново-Возн. подпольщиков».

***) Мы останавливаемся на общественно-экономической характеристике преимущественно Иваново-Вознесенска потому, что здесь наиболее показательно сложился социально-бытовой уклад. В других фабричных уголках края происходит приблизительно такая же эволюция промышленного развития; разница в общественном складе городов (напр., Кинешмы) та, что тут прибавляется значительная группа торгового капитала и мелкого мецанства.

Общественно-культурная жизнь.

Общественно-культурная жизнь этой эпохи определяется той социальной обстановкой, которая была отмечена выше. «Культуру» делают верхи общества, завладевшие как хозяйством города (думское управление), так насаждающие и культурно-просветительные учреждения (прикащичий клуб и т. п.). Надобность и характер культурных введений определялись постольку, поскольку они не шли вразрез с интересами властителей и не нарушали нормальное течение городской жизни.

Льбопытные иллюстрации быта ивановской буржуазии дает И. А. Волков в своих очерках «Ситцевое царство». Отмечая тенденцию фабрикантов в этот период «европеизироваться», он говорит об уродливости этих стремлений. Какой-нибудь купец считал своим долгом побывать за-границей, но там он, как М. Гарелин, «купал шансонеток в шампанском, пил шампанское из тувелек прекрасных балерин и вообще «жил». Чрезвычайно тугие на самые неотложные хозяйственные и культурные нужды, местные фабриканты зато с особым желанием благодарили религии, воздвигая часовни и широко жертвуя «нищей братии» — проходивцам и бездельникам.

Понятно, что всякие стремления «к свету» не только рабочих, но и части интеллигенции, наталкивались на грубые окрики «р-раз-зойдись», «р-расшибу», «что, бунтовать вздумали?»

«Ивановская общественная жизнь в эту эпоху,—вспоминает И. А. Волков*),—выражалась в следующем. В «Общественном собрании» собирався цвет ивановского общества: фабриканты, их приближенные (инженеры и колористы), жены фабрикантов и их любовники. Здесь слушали цыганские романсы заезжих знаменитостей, любительски лицедействовали и усиленно наставляли рога друг другу и еще усиленнее пьянствовали, обжирались и играли до одури в винт. В «Клубе приказчиков» велась та же «общественная работа»: г.г. торговцы и приказчики, при благосклонном участии некоторой части интеллигенции, устраивали маскарады, дулись в карты, общественно-скопом пили, пели, нередко разнообразя все это публичными скандалами с мордобитием».

У ивановских «низов» — у рабочих, не было совершенно никаких клубов и мест для общественных собраний. Благопечительное начальство молча, но настойчиво рекомендовало нашим рабочим, по примеру высших классов, глушить зловредное свободное время в пьянстве и игре в карты.

Скучно и тоскливо жилось в то время ивановской рабочей молодежи. Чувствуя избыток сил и острую жажду к лучшему, она металась между подпольными кружками, организацией потребилки и домашними кружками самообразования».

Газеты и журналы.

В силу указанных выше причин, естественно, и печать края в этот период не могла прочно встать на ноги и войти неотъемлемым элементом в быт общества. Правда, первая ивановская газета «Ивановский Листок» появляется еще в середине девяностых годов прошлого столетия, но этот орган печати, за все время своего существования, настолько был жалок, безграмотен и носил характер уличного погромно-монархического листка, что о культурном его значении говорить не приходится. Редактором газеты был Пав. И. Зайцев — «колоритная фигура своего времени — типичный продукт старого, фабричного, дореволюционного Иванова, с его холуйско-крепостнической атмосферой. Бывший ротный фельдшер, ярый монархист и ханжа, человек темный, еле грамотный, но очень ловкий и деловой, П. И. Зайцев начал издавать «Ивановский Листок» не столько по призванию к тяжелому газетному делу, сколько предвидя выгоды от служения печатному делу. Состоя членом «Союза русского народа», он не замедлил, конечно, хорошо

*) «Ситцевое царство», стр. 118—119.

устроиться по части субсидий для „Листка“ из казенного сундука, а затем.... Зайцев имел в виду хорошо подоить и ивановских фабрикантов, заранее обещая послужить им своим пером. Газетное перо у Зайцева было хотя и очень тупое, но довольно вредное для всех тех, кто был против царя, бога и фабрикантов... На три четверти листок заполнялся объявлениями, а остальное хроникой о кражах и драках, о крестных ходах и водосвятиях*)

Понятно, что такая газета ни в какой степени не могла быть средоточием живых литературных сил и отражать хотя бы в слабой степени действительную жизнь и нужды населения. Отдушиной для ивановских литераторов были владимирские газеты, а отчасти поволжские (Кострома, Ярославль, Рыбинск) и столичные. Во владимирской прессе („Владимирская Газета“, „Клязьма“, „Старый Владимирец“ и др.) и следует искать богатый литературный материал об иваново-вознесенской жизни, а также и о других местностях края. Кроме «Ивановского Листка», вплоть до революции, другой газеты не выходило. Позднее, около 1910 года, появляется в губернии газета в Кинешме, но она не захватывает ивановских журналистов, а пользуется странствующими поволжских «газетчиков»; кинешемские газеты «делают» Дм. Вилков, Георгий Устинов, Мих. Горбатов, талантливый поэт, рано угасший от чахотки и др.

Бледными, но все же более живыми, порой с любопытным местным историческим и бытовым материалом, выглядят и ивановские журналы этой поры. Из них первым и наиболее серьезным по направлению мы полжны отметить «Иваново-Вознесенскую Ниву», которая выходила с 12-го января по 16-е февраля 1908 г. (всего 6 №№, ред.-изд. Н. М. Самыгина). Затем идет журнал, издаваемый В. Е. Ключиным—«Иваново-Вознесенская Жизнь» (№№ 1—43, с 4 сент. 1911 г. по 25 июля 1912 г.) и «Дым», под ред. М. Д. Артамонова (№№ 1—14, с 20 окт. 1913 г. по 19 янв. 1914 г.). В этих изданиях, наряду с художественным отделом, попадаетея и местная хроника, театральные заметки и фельетоны на разные темы. Из литературных альманахов этой поры следует отметить сб. «Силуэты».

«Литераторы-газетчики».

Полицейский режим и общественное удушие рассматриваемой эпохи выработали чрезвычайно показательный тип ивановского литератора этого времени—журналиста-газетчика. С ранних лет ненавидя уродливое бытие родного города, горя стремлением помочь обездоленному классу, эти своеобразные писатели вынуждены большинство своих писаний, обычно, в спешном порядке, посылать в соседние губернские центры. иногда мало заботясь о полноте и художественной отделке. Являясь «крамольниками» и нарушителями общественного спокойствия в глазах охранителей власти, живя под постоянным гласным и негласным надзором, они принуждены покидать свой город и пускаться в литературные странствия по другим губерниям. Материальная необеспеченность способствует обмельчанию их творчества: рассказ написать труднее и дольше, чем фельетон или газетную статью. Главным образом в силу этих обстоятельств, мы и не видим в это время больших художников слова. Пристрастившись к газете, всецело отдавшись ей, наш литератор этой эпохи обычно сочетал литературную работу с революционной.

Но если группа журналистов-газетчиков 1900—1915 г.г. и не оставила крупных художественных произведений о своем крае, то ее значение в истории местной литературы все же огромно. Эти застрельщики, одиночки, в годы самодержавно-полицейского режима, много способствовали насаждению и укреплению провинциальной печати, день за днем бомбардируя фельетонами, заметками, корреспонденциями самодовольство и эксплоатацию властелинов. Чтобы правильно понять их значение, нужно

*) И. А. Волков. «20 лет по газетному морю». «Основа», 1925 г., стр. 13.

постоянно иметь ввиду мрачную реакцию николаевщины. Как ни мала их художественная ценность, все же группа газетчиков оставила большое, ценное литературное наследство, с интересным местным материалом.

Среди группы литераторов-газетчиков мы должны отметить:

И. А. Волков.

Иван Андрианович Волков родился в семье бедного красовара в Иваново, в марте 1881 года. По окончании народной школы, он поступил на службу «мальчишкой на побегушках» в контору Ф-ки А. Гандурина. В это время будущий литератор сильно пристрастился к чтению, в чем помогла ему, как указывает он в своей автобиографии, хозяйская племянница, выдававшая ему книги из фабрикантской библиотеки. В дальнейшем занятия по самообразованию происходили в кружке конторской служащей молодежи, где издавался рукописный журнал «Кружок»; Волков и некто Гречухин «сочиняли» почти весь журнал. В 1903 г. во «Владимирской Газете» появляется серия очерков Волкова из фабричной жизни под общим названием «Ситцевое царство». Первыми появились очерки: «Два дня из жизни Трифона Еремеевича», «Перед дачкой», «Маленькие и большие», «После праздника». Эти очерки имели определенный успех среди ивановцев: их читали с удовольствием и рабочие, узнав в выводимых типах себя и своих хозяев. Очерки Волкова шли в газете за подписью И. Ведин, а свои многочисленные корреспонденции он помещал под псевдонимом «Кифа Мокиевич» или «Кифа М-ч». С 1904 года он сотрудничает в большой областной газете «Северный Край» (Ярославль), также посылая туда, равно как и в «Русские Ведомости» и «Новое Время», корреспонденции о положении труда на ивановских фабриках и о взаимоотношениях хозяев с рабочими.

В 1905 году Волков протиснулся с гандуринской конторой, и с этого момента начинается его скитальческая, разнообразная и полная приключений жизнь литератора-«газетчика». Об этих пятнадцати годах своих газетных странствий он интересно рассказывает в своих воспоминаниях «Двадцать лет по газетному морю», где приводит много любопытных данных о состоянии провинциальной печати в период реакции. В 1908—09 г.г. он дает постоянные ежедневные корреспонденции об ивановском быте в газете «Старый Владимирец», которые заполняют отдел «иваново-вознесенская жизнь».

Из отдельных произведений Волкова отметим: повесть из фабричной жизни «Дуняшкина жизнь», которую перевел на датский язык писатель Ааге Маделунг (напечатана в газ. «Северный Край» за 1905 год, потом перепечатана в 1909 году «Старым Владимирцем»); ряд очерков из фабричной жизни и «Исторический очерк г. Иваново-Вознесенска», в газете «Старый Владимирец»; «Ситцевое царство», очерки и рассказы из прошлого Иваново-Вознесенска, с предисл. М. П. Сокольникова, изд. «Основа», 1925 г.; «Двадцать лет по газетному морю», из воспоминаний газетного работника, «Основа», 1925 г.; «Бунтари», сцены из истории рабочего движения 1905 года, в 5 действиях. «Основа», 1925 г. Помимо указанного, за время с 1904 года им помещено множество корреспонденций, очерков, фельетонов, рецензий в столичных газетах «Русское Слово», «Русские Ведомости», «Голос Москвы», «Утро России» и др., а также в самых разнообразных провинциальных изданиях.

Очерки Волкова нельзя назвать строго беллетристическими; у него сильна публицистическая и газетная жилка; в описательной части у него много от фельетона. Но все же это почти единственные и, в общем, довольно живые записи о своеобразном быте царства ситцевых королей в начале XX века. Пред нами длинной вереницей проходят представители промышленного капитала: «благодетель» Фокин, типичный хищник, изувер и трус; «Мефодушка-Сирота»; миткалевый фабрикант Безруков, копирующий приемы мелких хищников, и мн. др., вместе с «фабрикантской Думой»,

оралой-держимордой полицеймейстером Декаполитовым. На фоне огромной массы поработенных рабочих, Волков отмечает любопытного красавца-самородка Андреяна Данилыча и умницу-изобретателя Мишку-слесаря, душа которого бьется как большая птица в узкой клетке. Светлым, но печальным образом предстает пред нами и ткачиха Марья, замученная нуждой, непосильной работой, бесконечными невзгодами. У Волкова не мало интересных страниц и об историчечком прошлом Иваново-Вознесенска, а также о забастовке ивановских текстилей в 1905 году. Этим событием посвящена пьеса «Бунтари», где в лице агитатора Дубова довольно прозрачно выведен рабочий-пропагандист, «первый оратор» ивановской забастовки—Евлампий Дунаев.

Что касается критики произведений Волкова, то, как говорит он сам в автобиографии, «печатно таковой не подвергался... Больше всех критиковали мои произведения владимирский губернатор Сазонов и иваново-вознесенский полицеймейстер Виноградов, грозившие не раз мне ссылкой в «места отдаленные»...

А. Е. Ноздрин.

Авенир Евстигнеевич Ноздрин родился 29 октября 1862 года в селе Иванове; отец его по происхождению был крестьянин и служил у мелких местных фабрикантов в качестве ярмарочного приказчика. Шести лет будущий революционер и поэт обучался славянскому языку и чистописанию у дьячка Магницкого, а позже перешел в «Земское Образцовое Училище», к о. Александру Альбицкому. По желанию матери, Ноздрин затем был определен учеником в фабричную граверную мастерскую бр. Борисовых; ремесло гравера ему, не умеющему рисовать, давалось трудно, но все же, хотя и с большим трудом, он вышел в мастера «среднего калибра» и тянул фабричную лямку в течение более трех десятков лет. Раннее знакомство с тяжелыми условиями фабричной жизни, любовь к книгам и театру, свободолобивые народнические мечты, очевидное увлечение толстовством—толкнули Ноздрину с товарищами по фабрике в 1895 году к скитальчеству, к деревне. Втроем, под видом странников-богомольцев, протестанты-скитальцы прошли пешком более 2.000 верст. Начавшаяся в то время полоса забастовок вовлекает Ноздрину в русло общерабочего движения. Сначала он входит в кружок Ив. Ос. Слуховского, А. И. Степанова и других, где начинается подпольная революционная работа в духе народолюбивости*), а затем уже в 1905 году является одним из организаторов и активнейших участников ивановской забастовки, будучи выбран председателем первого депутатского рабочего совета. Дальше — аресты, ссылка, полицейский надзор, бесперывные обыски, почти вплоть до революционных дней. Но и теперь еще А. Е., «живой свидетель побед и поражений ивановских рабочих», сохранил удивительную любовь к жизни, к книге, с юношеским порывом интересуется современностью, ведет большую общественную работу, непрерывно пополняя свое образование. В последнее время он дал ряд ценных воспоминаний о 1905 годе, о соратниках по революционной работе, ивановском театре и кружках.

Первые печатные стихотворения Ноздрина появились около 1897—8 г.г. в ярославской газете «Северный Край», потом в «Рыбинском Листке», в «Дубинишке», «Колотушке» и др. Из ивановских изданий, помимо «Рабочего Края», он сотрудничал в ж-ле «Иваново-Вознесенская Жизнь», где помещено несколько его стихотворений и множество театральных рецензий, в которых он показал себя не только как любитель, но и как чуткий знаток сцены и актерского мира (под псевд. Сергей Полозов и др.).

* Подробные об этом кружке см. *Н. В. Малицкий*. «Тайное общество в городе Иваново-Вознесенске в 90-х годах XIX столетия». Труды Ив.-Возн. Губ. О-ва Краеведения. вып. 3-й, стр. 175 и дал. В этом же кружке издавался и рукоп. журнал «Первые проблески».

Стихотворения Ноздрина не богаты формальным блеском, незатейливы и просты; автор их едва ли претендует на широкую славу. Однако, среди его произведений есть такие, которые смело можно выделить среди пролетарской литературы, как подлинно-рабочие по настроению и теме. Стих. «Смерть ткача» грустно и четко, с проникновенной выразительностью, говорит о суровой доле текстильщика,—и недаром оно вошло во многие хрестоматии; таким же хорошим стих. является и «Незаконный». Вообще, в стихах Ноздрина можно не мало найти ценных иллюстраций к отдельным моментам и эпизодам рабочего движения в краю ткачей; таков и его очерк «Кармановские ткачи» (альм-х «Начало», № 2—3).

С. М. Проскурнин (Милий Стремин).

В отличие от Волкова и Ноздрина, Сергей Михайлович Проскурнин с своим краем был связан лишь в первых годах своей литературной работы. Он родился в сентябре 1880 г. в Иваново-Вознесенске; отец его— бедный лавочник, на закате дней—хлебопашец, мать неграмотная простая женщина. Учился Проскурнин в земской школе, затем в механико-техническом училище, после—сдал экзамен на звание народного учителя и учительствовал три года. Печататься начал в юмористических журналах «Будильник», «Развлечение», «Родина» и др. (под псевд. Спиридон Поворот и Спир.), а затем во владимирских и ярославских газетах; в Рыбинске, вместе с А. Е. Ноздриным издавал сатирический ж-л «Дубивушку». Журналистика его пленяет и, как Волков, он пускается в пожизненное плавание по газетному и журнальному морю, помещая не мало корреспонденций и в столичных изданиях. Так в московской газете «Вечерняя почта» печальные дни расстрела ивановских рабочих нашли наиболее полное освещение в его корреспонденции, вызвав приостановку издания. В 1907 г., за революционную деятельность, Проскурнин арестовывается и высылается в Вологодскую губернию на три года, после чего продолжают его литературные скитания. Он работает то в качестве фельетониста, передовика, обозрителя, а иногда и репортера, под разными псевдонимами, в газетах Харькова, Ростова, Баку, Екатеринослава, Ялты, Одессы и др. городов; газетный и журнальный мир знает и помнит хорошо этого незаурядного литератора. С 1913 г. Проскурнин переезжает в Петроград, где женится на писательнице Т. Ганжулевиц. В этом же году выходит первая его книжка стихотворений «Замкнутый круг» (изд. «Обществ. Пользы», 1913 г.), под псевд. Милий Стремин, куда вошли стихи, написанные после 1905 г. В дальнейшем Проскурнин сотрудничает в детском ж-ле «Задушевное слово», а также пишет ряд пьес, которые ставятся как в Петрограде, так и в провинции («Звонарь Рейнского собора», «Хозяин—четырёхактная пьеса из жизни газетных работников»). Умер он в августе 1923 года.

Проскурнин не принадлежит к большим писателям края. Отдав всего себя газетному делу, разбрасываясь, спеша, он не оставил значительных произведений. Лирика его уныла, в ней нет бодрых призывных песен. Поэт-журналист Проскурнин жил и работал в мрачные годы реакции; общественное удуше сказалось и на его творчестве. Но этот неутомимый газетный работник, автор острых фельетонов—чутко откликался на большую современность и, сколько хватало сил и дарования, смело боролся пером за самостоятельную провинциальную печать, за лучшее существование огромной народной массы, отстаивая все живое, яркое, разумное. Предстоит задача собирания его литературных материалов, записи воспоминаний от друзей-соратников.

М. Д. Артамонов.

Младшим современником группы ивановских журналистов эпохи 1907—1917 г.г. является поэт Михаил Дмитриевич Артамонов, родившийся 12 февраля 1888 г. в г. Плесе, в семье безземельного крестьянина. С 9 лет Артамонов служил мальчиком в саду, при конторе, при кухнях у разных

хозяев. После окончания сел.-хоз. школы, работал садовником, управляющим усадьбы, простым рабочим. Неизгладимое впечатление оставила в нем военная служба, на которой он пробыл более четырех лет. Первые заметки и очерки о рабочей жизни А. печатались в поволжских газетах («Костромич»), а из журналов первые стихи в 1912 г. в моск. ж-ле «Живое Слово». В 1913 году он издает и редактирует иваново-вознесенский журн. «Дым» и тогда же выпускает небольшие сборники стихов «Когда звонят колокола» и «Улица фабричная»; позднее Артамонов принимает деятельное участие в сотрудничестве соц.-дем. изданий «Правда», «Вопросы страхования», «Работница» и др. В революционные годы он возвращается с фронта в Иваново-Вознесенск и входит в литературную группу при «Рабочем Крае», занимая в этой газете должность секретаря. С весны 1924 года А. перебирается в Москву, где сотрудничает в «Известиях», «Красной Ниве» и мн. др. изданиях. Из отдельных его произведений изданы: «Земля родная». Стихотворения, Гиз, 1919 г. и «Деревенская улица», сб. стих. в серии «Изба-читальня», Гиз, 1925 г.

Мы не будем касаться статейного материала М. Артамонова, а остановимся несколько на его стихах. В лирике его преобладает песенный элемент. Артамонов весь с деревней; жизнь выбросила его на шумные улицы города, породнила с фабрикой и заводом, но не смогла заглушить очарования от простой деревенской природы. Песни Артамонова похожи на народные, порой на частушку; в них по преимуществу—интересы деревни. Поэтическая философия этих песен напоминает философию деревенской молодежи—так мало она выходит из круга крестьянских представлений.

Вместе с тем у Артамонова есть и стихи о городе и фабричной жизни. Цикл его стихов посвящен «войне и деревне»; это наиболее удачные его вещи. «Стихию» войны поэт прочувствовал, и эти его песни о войне, наборе рекрутов, разлуке молодца—щемят сердце тоской неволи. Но, несмотря на деревенский колорит, пахарь отсутствует в лирике Артамонова.

Артамонов много работает над собой; литератор-трудолюбец, он не мало сделал для литературы своего края не только как поэт, но и как бережный редактор.

К группе ивановских поэтов этой поры нужно причислить и *Василия Егоровича Ключина*. Ключин—любопытная фигура на фоне ивановского журнального мира. Конторщик «Ивановского Листка», редактор журнала «Иваново-Вознесенская Жизнь»,—он остро чувствовал болотную жизнь города; в своих стихах, банальных по форме, помимо фельетонных описаний местного купеческого и мещанского быта, он часто напоминал и о тяжелой доле рабочего. «Ключин был одной из жертв ивановской мещанско-купеческой трясины. Вынужденный сдирать помятую большую шляпу перед именитыми людьми города, он остро ненавидел их, и нельзя было доставить большего удовольствия ему, как выслушать написанные им до революции стихи, в которых он издевался над местными самодурами. Стихи, конечно, не печатались тогда было невозможно. — «Паскудный народишко здешняя гильдия-с,—вздыхал Василий Егорович» *).

Почти одновременно с группой ивановцев, проходит литературная деятельность и Владимира Андреевича *Миндовского*, который родился 26 мая 1880 года в с. Новой Гольчихе, Кинешемского уезда, в большой семье мелкого заводчика, рано разорившегося и закрывшего свое производство. С детства испытывал нужду, он служит конторщиком на фабриках И. Коновалова, Я. Шилова, Волжско-й Мануфактуры, где и знакомится близко с рабочей жизнью. С 1899 года, выдержав экзамен на звание народного учителя, М. пробыл в этой должности свыше десяти лет.

*) *И. Майоров*. Иваново-Вознесенские газеты. «Рабочий Край», № 2000, 6 сент. 1924 года.

Первые беллетристические очерки Миндовского («Вечером», «Темно» «Одна») помещены в газ. «Северный Край» в 1903 году (№ 77, 703, 321). Всего им напечатано около 20 рассказов и очерков, повестей, несколько стихотворений и значительное количество корреспонденций и статей, часто под псевдонимами Малафеев, Северянинов и др. Миндовский сотрудничал в «Костромском листке», «Голосе», «Кинешемском Вестнике», «Поволжском Вестнике», «Костромской жизни», «Русских ведомостях», «Ежемесячном журнале», «Трудовом пути», «Рабочем Крае» и др. изд. Отдельно изданы костромским научным о-вом краеведения его очерки «Вичугская фабричная старина» (1919 г.).

В своих произведениях Миндовский уделяет немало места Волге, а также рисует и фабричную жизнь, чередуя это с рассказами о приволжском провинциальном житье-бытье. См.: «Над Волгой», повесть («Голос» № 1 и 2, 1911 г.), «На заводе», расск. («Голос» № 87, 1913 г.), «Хуторянин», расск. и «Свечка» расск. («Ежемесячный журнал», № 11—1914 г. и № 12—1914 г.; в том же ж-ле за 1916 г. № 9—10, 11, 12 оч. «Во время войны») и др.

В настоящее время он работает на бытовыми очерками «Кинешемский рабочий край» и повестью «Старые боги» (из жизни заволжского лесного края).

Список литераторов края предреволюционной эпохи мы должны дополнить упоминанием о драматурге-самородке Дмитрие Григорьевиче *Логинове*, ныне покойном. У этого автора было много знания сцены, он не плохо знал и местный рабочий и фабричный быт, но стремление щегольнуть эффектной сценой, дать «необыкновенную рольку»,—часто нарушало художественную цельность его пьес, которые обычно разрабатывались тенденциозно. Все же некоторые драмы Логинова дают небезынтересный материал как об ивановском рабочем, так и о самодуха-фабрикантах Иванова; много места в них уделено и различным прислужникам капиталистов. Из пьес Логинова выделим: «В стенах фабрики» (долгое время была под запрещением. Ив.-Возн. 1918 г.) и отметим: «Комедиант», ком. в 4-х дейст., «Степной дьявол», др. в 4-х дейст., «Любовь», др. в 4-х дейст., «Ухабы жизни», пьеса в 4-х дейст., «Лабазники-спекулянты», картины в 4-х дейст., «Возрождение», др. в 4-х дейст.

Тот же «бунтарский дух», но гораздо более выдержанный идеологически, мы видим в пьесах рабочего драматурга ивановца *К. Гандурина*, пьеса которого «Перед бурей» (Гиз. М. 1920) рисует события 1917 года; здесь есть ряд любопытных фигур рабочих и яркие сцены столкновения труда с капиталом.

С Иваново-Вознесенском связано и начало карьеры *Марка Криницкого*, (Михаила Владимировича Самыгина, род. в 1874 год), учительствовавшего в реальном училище. Его сочные бытовые очерки, помещавшиеся во «Владимирской газете», заставляли много говорить о себе.

Революция 1917 года.

Революция 1917 года начинает новую эру в истории края, проводя резкую грань между прошлым и современностью. Прежде всего, мощный экономический район выделяется в самостоятельную губернию, с недавним безудельным городом Иваново-Вознесенском во главе. Губерния быстро переходит к новым формам строительства, и, пережив жестокие годы разрухи и гражданской войны, в настоящее время представляется одной из промышленных, организационно-крепких и подлинно рабочих областей Союза. Текстильное производство края заметно растет и в некоторой части уже приближается к довоенным нормам выработок.

Общественно-культурная жизнь губернии также резко меняется, и особенно заметно и показательно это изменение в Иваново-Вознесенске. Город без всяких культурных традиций, не оставший революции ни мало-мальски сносного театра, ни газеты и журналов, ни клубов и науч-

ных обществ, ни просветительных организаций; город подпольной общественной жизни, грубых и невежественных ситцевых королей, различного фабричного начальства, тьмы их приказчиков и громадной массы порабощенных, забитых рабочих,—преображается: Иваново меняет свой бытовой и общественный уклад. Став центром революционной борьбы целого рабочего района, Иваново-Вознесенск делается подлинным революционным городом, выделившим немало героев на фронтах новой жизни. Наличие многих видных старых партийцев-подпольщиков создает здесь чрезвычайно интенсивную политическую жизнь, в которую вошли широкие рабочие массы. Хозяйственная работа также протекает успешно, и за короткий срок сделаны большие достижения (постройка водопровода и т. п.)

Культурное строительство края с революцией получает могучий импульс. В Иваново-Вознесенске укрепляется Политехнический Институт, с ценнейшей библиотекой, рядом вспомогательных научных учреждений и лабораторий, один за другим открываются рабочие клубы и народные дома; развертывают большую культурную профессиональные союзы; организуется несколько научных обществ... Трудящиеся получают возможность широкого приобщения к культуре и самостоятельной творческой работы в различных кружках, библиотеках и др. культурно-просветительных организациях. Какой контраст с недавним клубом приказчиков, с картежной игрой и клубным пьянством фабрикантов и именитого купечества! И, что любопытно, в культурной жизни города заметную роль играет так называемый «натек», пришедшие культурные силы, осевшие здесь в революционные годы.

Литературное оживление в Иваново-Вознесенске и на местах. Печать.

1917 год явился и переломным годом для литературной жизни края. Если с XIX века мы встречаем в губернии отдельных писателей, литературная деятельность которых проходит по большей части в столицах; если в начале XX столетия краевые писатели, культурные одиночки, в силу полицейского гнета, вынуждены скитаться по различным губернским центрам и превращаться в своеобразных литераторов-газетчиков,—то революция изменяет эти обстоятельства, давая поэтам широкую возможность выявления творчества в местной печати. *Строю юворя, лишь с 1917 года наша краевая литература начинает складываться в общее литературное течение, охватившее весь край и так или иначе связанное в своем целом.*

Прежде всего происходит обновление периодической печати. «Ивановский листок» фельдфебеля Зайцева прекращается в марте 1917 года. В этом году в городе выходит целый ряд газет: «Иваново-Вознесенск», «Наша Звезда», «Русский Манчестер», «Рабочий город» и другие, среди которых мы встречаем и еженедельную ученическую газету «Свободная мысль». С 5-го марта 1918 года в Иваново твердо укрепляется газета «Рабочий Край», существующая до настоящего времени и являющаяся одним из крупных органов печати в центрально-промышленном районе.

На местах периодическая печать также делает попытки органически связать себя с жизнью уездов и служить интересам строительства хозяйства и быта. Недолговечные кинешемские газетки «Кинешемец», и «Новый кинешемец» сменяет ежедневная газета «Рабочий и Крестьянин», с 1922 года выходящая под названием «Кинешемская жизнь». Эту газету в 1923 году заменяет «Приволжская Правда», обслуживающая помимо Кинешемского и Юрьевецкого уезд. Шуя, никогда не имевшая постоянной газеты, с 1918 г. выпускает в течение четырех лет «Новый путь», а с 1924 года большую газету «Серп и молот». Даже в далекой лесной глуши края, в Макарьеве, с 1923 года появляется еженедельная газета «Крестьянский Край».

Вместе с газетами растут и журналы. К настоящему времени только в одном Иваново-Вознесенске выходит свыше десяти их названий; помимо

кооперативного, хозяйственно-экономических и специально-научных имеются журналы и общественно-литературного характера.)*

Большое литературное оживление замечается в Иваново-Вознесенске. С 1918 года здесь складывается ядро литературной молодежи, группирующейся главным образом вокруг редакции газеты «Рабочий Край». Творчество этой группы развивается при товарищеской поддержке энергичного, талантливого редактора-марксиста А. К. Воронского. Тут мы встречаем даровитого Дм. Семеновского, уже знакомого Мих Артамонова, Ив. Жижина, Анну Баркову (Калику Перехожую), Сергея Селянина, Сумарокова, Ник. Смирнова (ныне Путешественника), А. и Н. Рязановых, рано умершего пастуха-поэта Сергея Семина; к ним примкнул и старый революционер и поэт Аvenir Ноздрин, а также совсем юный, звонкий комсомолец Серафим Огурицов и позднее молодой шуйский поэт Ефим Вихрев. С 1919 года вышло несколько сборников стихотворений и песен этих поэтов: «Крылья свободы» (1919), «Красная улица» (1920). «Сноп» (1920), «Взмах» (1921) и альманах «Начало» (№ 1 и 2—3, 1921—1922 г.). Некоторые авторы печатались и отдельными изданиями—Мих. Артамонов («Земля родная» 1919), Алексей Луганский («Жасминовый сад» 1922 г., «Терем царевны» 1922 г. и четыре маленьких тетрадки стихов, изд. в Ив.-Возн. и Шуе в 1922 г.), Ив. Жижин («Мое». Стихи. К. 1922 г.), Дм. Семеновский («Под голубым покровом», И.-В., 1922 и «Благовешание», Кин., 1922) и др. Помимо «Рабочего Края», поэты помещали свои произведения в литературных журналах—«Ткач», «Красный ткач», «Коробейник», «Союз города и деревни», «Труд», и в «Ежегодниках» Губисполкома и др.

Очень любопытен состав поэтов по социальным признакам: в большинстве они дети рабочих и крестьян. Жижин—сын прачки, Баркова—дочь сторожа, Артамонов—рабочий. Правда, с рабочим бытом молодые поэты еще далеко не срослись, однако, в их творчестве налицо не только освободительные и революционные мотивы, но и заметная доля подлинных рабочих переживаний.

Семь лет, прошедших с 1917 г., уже подводят кое-какие итоги современной краевой художественной литературы и позволяют сделать некоторые выводы. Мы не будем подробно останавливаться на разборе творчества всех современных поэтов, а вкратце познакомимся с общим направлением этой поэзии и с ее наиболее талантливыми представителями.

Современные поэты края.

Отличительной чертой современной поэзии рабочего края является ее деревенский уклон, в редких случаях сочетающийся с городскими мотивами. Город вообще не подуде нашим поэтам. Почти все они влюблены в деревню, и родина им представляется громадной сетью полей, лесов, озер, изб и овинов. В этом у них много общего, хотя поэтические лики их вообще-то глубоко различны. В поэзии большинства их город и фабрика отсутствуют. Вот как объясняет это Воронский (ст. «Песни северного рабочего края», «Красная новь» 1921, № 2): «В итоге, это песни и стихи деревни, вынужденной стихией общественного развития двинуться в города, в каменные—«стоюкие» корпуса, и еще не понявшей и не приемлющей ни города, ни этих корпусов. Это—поэзия текстильных рабочих, ибо на севере ткач наполовину еще связан с деревней, живет в деревне, и город и каменные корпуса с особой жестокостью давят давних деревенских парней. А деревня так близка, северные поля и леса

*) Подробнее о печати 1917—1923 г. см. библиографический указатель Н. А. Королева и очерк И. Майорова «Печать Красной губернии». Альб. «Красный Манчестер», 1925 г. стр. 223—236.

совсем на виду, за грязной околицей... От этой близости острее чувствуется противоречие машинного века, деревня тянет к себе своей непосредственностью, своим северным очарованием».

Дм. Семеновский.

Большого внимания заслуживает *Дм. Семеновский*, не новичок в литературе, неоднократно печатавшийся в «Просвещении», «Современнике», «Современном мире», «Вестнике Европы», «Летописи» и др. журналах. Он родился 19 января 1894 г., в с. Меховицах, Ковровского уезда, Влад. губ., Отец его был священником (теперь по занятиям — крестьянин). Детство Д. Н. провел в с. Юрьевском, Каланчевской вол., Ивановского уезда «Учился,—рассказывает Семеновский в своей автобиографии,—во владимирской духовной семинарии, откуда в 1912 г. исключен за участие в семинарской забастовке. В 1913—14 г.г. посещал университет Шаньявского в Москве. Деньги давал М. Горький, принявший во мне теплое участие. Стихи полубил в школьном возрасте. Писать начал несколько позднее. Первые стихи напечатала газета «Старый Владимирец», в которой в то время работал писатель Яков Евдокимович Коробов... Ему я обязан многим».

Стихи Семеновского изданы в сб. «Под голубым покровом» и «Благовещание». Помимо этого, имеются отдельными изданиями его сб. рассказов «Красный узор», Гиз, 1920, пьеска «Красная зорька» (1-е изд. Губ. аг. В.Ц.И.К., 1919 г., 2-е «Основа», 1925), и сб. рассказов «Лукурья» («Основа», 1925 г.). Совместно с Я. Коробовым изданы «Сребролуный орнамент» (кн. 1-я и 2-я, Володимир на Клязьме). Семеновским также переложено в стихи «Слово о полку Игореве».

Поэзия Семеновского полна необыкновенной любви к природе и человеку; его стихи—чудесная светлая весть о красоте земной жизни. Радостный сознанием, что он «на прелестной обольстительной земле», он благословляет мир.

Благослови, душа моя,
Ласкающую синеву
И мотылька и муравья
И эту свежую траву.

Для Семеновского природа—человек—жизнь сливаются в едином поклонении, в том *голубом*, которое наполняет землю. Он связывает «светлую душу природы» с дивной душой человека братскими узами, — и в любви видит единое исцеляющее начало. Поэт—брат всему человечеству: для него брат—«сладкое слово». Вместе с этим, у него есть ряд прекрасных стихотворений о трудовой жизни, о ткачах, о работе швеек, городской и деревенской бедности. Стих Семеновского почти всегда отточен, насыщен, слово взвешено; форму он не отделяет от содержания *)

В краевом отношении наиболее интересными произведениями Семеновского представляются его стихи о родине, в которых он прекрасно умеет выразить впечатления от местной природы, ярмарки и базары (ст. «Праздник») и мн. др. Поэт также откликается и на многие революционные события, но в революционных стихах его нет той поэтической силы, которая отличает его чистую лирику. Много любовытного и в различных воспоминаниях Семеновского (встречи с Горьким, Ярославские события и мн. др.).

Сергей Семин.

После Дм. Семеновского мы должны указать на *Сергея Семина*. В лице Семина наш край имеет несомненного талантливый самородок-поэта, вышедшего из низов и за короткое время печатания (два года) показавшего недюжинные способности.

*) Подробнее о творчестве Дм. Семеновского см. в ст. Мих. Сокольников «Поэты нашего края» и его же—отзыв о книге «Благовещание» («Вестник Иваново-Вознесенского Губсоюза Потребительных О-в», № 23—24, за 1922 г., стр. 33).

Жизнь этого поэта сложилась трагически. С ранних лет его преследовала нужда и не давала возможности получить образования, к которому он так стремился. Двенадцати лет он был пастухом, позднее—работал на фабриках. В 1914 году его призывают на военную службу. Начинается долгая, тяжелая, бессмысленная жизнь в окопах, в походах, среди крови и ужасов. После ранения в 1915 году, он два года скитается по госпиталям. Полный инвалидом в 1919 г. Семин возвращается в свой край. Его стихи обращают на себя внимание редакции «Рабочего Края» и он начинает печататься в газете и в местных литературных сборниках. Жизнь как будто хочет ему улыбнуться, но ненадолго. Голод прогоняет поэта в Поволжье, где непрерывные скитания и отчаянная нужда окончательно разрушают его здоровье. Умер Семин 28 апреля 1921 года, на 24-й весне, от крупозного воспаления легких, накануне отправления на курорт в Пятигорск.

Семин—поэт с ясно выраженной крестьянской стихией. Своим бытием он был связан, главным образом, с деревней, хотя и город за короткую жизнь успел достаточно познакомиться с собою и потрепать. Обладая поэтическим дарованием, он не успел развернуть своего таланта,—и перед нами лишь первые опыты и первые достижения.

Поэзия Семина полевая: цветов, весенней радости, нивы, мужицкой думы, жаворонка, неведомой дали. Молитвенное отношение к «полевой безлюдной красоте» роднит его с Клюевым; вместе с тем эта замкнутость в сфере чисто-природного созерцания дает и ряд идеологических несоответствий у Семина. В качестве панацеи от всех бед и зол трудящимся поэт предлагает природу с ее прелестями. Однако, это не заглушает свободолобного, порой чисто-революционного призывного настроения стихотворений талантливого самородка: в некоторых из них мы чувствуем не только звонкую фразу, но и глубокое прочувствование отдельных моментов новой действительности (напр., стих. «Субботник»). Из лирических стих. Семина отметим «Август», «Синий лед на речке взломан», «Песня», «Ночь». Несмотря на многие технические недостатки и больное настроение в ряде стихотворений, простая, безыскусственная поэзия Семина волнует, в конечном итоге, основным своим мотивом — радостным восприятием жизни и труда.

Живите, чувствуйте, горите,
Во имя радости, любви,
Любя, сгорая, жизнь творите,
Жизнь засевайте на нови.

Стихи Семина помимо «Раб. Края» напечатаны в альманахе «Начало». В настоящее время сборничек его стихотворений подготовлен к печати в изд-стве «Основа». Биографические сведения о нем см. у М. Артамонова, «Сергей Семин» («Начало», № 1).

Из остальных современных поэтов края выделились: Анна Баркова (псевд. Калика Перехожая), с городскими мотивами в поэзии, с своеобразным «ахматовским» стилем и настроением в первых своих вещах; книги Барковой «Женщина» стихи (П. Гиз, 1922 г.) и драматические сцены «Настасья Костер» (Гиз, 1923 г.) одобрительно были встречены столичной критикой. В 1922 году вышла книга стихотворений «Мое» талантливого местного поэта Ив. Жижина, в настоящее время почти ничего не печатающего. Значительным по форме и глубоким по содержанию показал себя в своих стихотворениях Сергей Селянин (род. 22 сентября ст. ст. 1988 г.); к нему несколько примыкает и шуйский поэт А. Д. Сумароков (род. 3 сентября 1883 г.), лирика которого полна философских настроений, Сумароков, помимо местных изданий, печатался в «Весне» Шебуева, «Новом журнале для всех», «Нашем журнале» и др.; следует отметить его интересные воспоминания «Встреча с Блоком» (ж-л «Новый Быт», № 1, Иваново-Вознесенск, 1922 г.). В последнее время заметно растет дарование

молодого поэта Серафима Огурцова. Начав с подражаний Бальмонту (первый сб. стихов Огурцова «Крылья зорь», 1922 г., носит ученический характер), он сумел подойти близко к биению пульса современной жизни и стать на путь ее непрерывного ощущения. Молодой, звучный, задорный Огурцов смело берет новые темы о комсомоле, деревенском и городском быте, порой великолепно схватывая деревенскую жизнь (стих. «Чайная Слобода»). Вплоть удался ему и цикл стихов «Ленинский Призыв» (изд. «Основа», 1924 г.) Огурцов сильно подражает Безыменскому, иногда даже Маяковскому, и техническая небрежность одна из слабых сторон его творчества.

Как уже указано выше, в 1922 году много сборников стихотворений издал Алексей Луганский, но его поэзия гостинных, маскарада, вальса, пустого светского времяпровождения и банальной любви, не представляет вообще интереса, а также ничего не отражает и из местной жизни. Таковы и стихи Мих. Сироткина (сборники «Стихи», 1922 г. и «В сумерки» 1922 г.). Гораздо более значительным явился *Ник. Смирнов*, давший как в стихах, так и в очерках не мало описаний Волги и родного Пlesa. В настоящее время этот способный поэт совсем бросил стихи и перешел на публицистику *).

Характерно, что большинство молодых ивановских писателей—стихотворцы; прозе пока не посчастливилось. Большие надежды подавал *Ник. Ив. Кузнецов*, рассказ которого «Мимо жизни» (изд. «Свободная Мысль», И.-В., 1918 г.) выдержанный в чеховских тонах, говорит о большом знании им человека и чутком подходе к сложным психологическим состояниям; но Кузнецов угас в 1921 г., не успев выявить своих возможностей. Кое-какой прозаический материал об ивановских событиях 1915 г. (расстрел рабочих 10 августа) дал рабочий писатель—пролеткультовец К. Завьялов (рассказ «Это все было так», в ж-де «Ткач» № 1, 1923 г.; там же и его интересная автобиография). О борьбе ткачей за свое освобождение рассказал А. Е. *Ноздрин* в незатейливом рассказе «Кармановские ткачи» («Начало» № 2—3). В последнее время значительно развивает свою литературную деятельность и ивановец Дм. Фурманов, автор известных очерков о гражданской войне—«Чапаев», «Красный десант», «В восемнадцатом году», «Мятеж» (1925 г., Гиз), но события местной жизни у этого автора заслонены великой эпопеей гражданской войны на фронтах **).

В литературной жизни Иванова за революционные годы большое участие принимает и *И. А. Майоров*, фельетонист-публицист и критик, крупный местный журнальный работник, редактор юмористического журнала «Пересмешник» (1917—1918 г.г.), «Нового быта» и др. Книга очерков и рассказов Майорова (псевд. Квадрат Кубов) «В глухом углу» (1925 г.) содержит не мало любопытного бытового материала из ивановской жизни.

Заметный след в местной литературе своим кратковременным пребыванием в Иванове оставили также Лев Зиллов и Ник. Колоколов, давшие ряд очерков и стихотворений в «Рабочем Крае».

Литературный молодежь г. Кинешмы.

В 1923—25 г.г. на фоне литературной жизни края заметно выделяется группа литературной молодежи гор. Кинешмы. В то время как в губернском центре—Иванове в эти годы замечается отлив литературной волны

* Подробное о творчестве указанных выше поэтов см. в общей библиографии, в конце очерка. О многих современных ивановских поэтах имеются некоторые материалы (автобиографии, письма, фотографии и т. п.), собранные мною и находящиеся в Архиве О-ва Красвения. Интересные бытовые картинки о поэтах «Рабочего Края» дают Сергей Селянин и И. Майоров (ст. «Поэзия в «Рабочем Крае» и «Иваново-Вознесенские газеты»), в специальном номере «Рабочего Края» (№ 2000, 5 сент. 1924 г.).

** Автобиографию Дм. Фурманова и отрывки из его произведений см. в сб. «Пролетарские писатели». Гиз, 1925 г., стр. 640—657.

и некоторые авторы порывают с краем, переезжая в столицы, в Кинешме, вокруг газеты «Приволжская Правда», укрепляется и растет талантливый литературный молодец. Правда, еще в 1922 г. мы здесь видим попытки литературной организации в лице «Литературно-художественного О-ва», которое выпустило альманах «Земные ласки», но эта организация оказалась нежизненной и имела случайный состав.

В кинешемской литературной группе мы должны прежде всего отметить поэта Дмитрия Белова (род. 26 октября 1900 г.) и поэтессу А. П. Смирнову-Варфоломееву.

Дм. Белов — даровитый самородок, пришедший в литературу от деревни и фабрики и, как Семин, также бывший пастухом. Но Белов получил большее образование, и его стихи сильнее технически и свободны от многих наивных утверждений первого. Лучшие его вещи о деревне и детстве, которое оставило неизгладимое впечатление у поэта. Цикл стихов о детстве подсказал Белову необходимость создания целой поэмы о детстве — «Рябичье подполье», первая часть которой написана в звучных, прелестных лирических тонах. В настоящее время стихи Белова взяты для напечатания Госиздатом и выйдут с предисловием А. Серафимовича. Наиболее слабыми по форме у Белова являются революционные произведения: в них чувствуется поэтическая фальшь, которая отсутствует в стихах о природе.

Первые стихотворения *Смирновой-Варфоломеевой* мало отличаются от средних «приличных» стихов гимназического типа. Но молодая поэтесса постепенно освобождается от банальных форм Надсона и Никитина и неясного стремления вдаль и ввысь и, много работая над собой, останавливается на поэзии трудовых процессов, часто вставленных в своеобразный местный фон. Такие ее стихи, как «Юрьевец», «Наволоки», «В библиотеке» и др., свидетельствуют о значительном ее росте. Стихи Смирновой также как и Дм. Белова, помимо кинешемской газеты, печатались в ж-ле «Новый быт», «Рабочее творчество», и выпущены отдельной книжкой в «Библиотечке Нового быта» (Кинешма, 1925 г.).

Очень интересным представляется творчество *Мих. Шошина*. Шошин — прозаик, с местными темами о молодежи, борьбе старого и нового в деревне, о новых людях, которые призваны к строительству жизни. У него бойкий, меткий язык, с яркими местными словами, прекрасные сравнения и образы. Иногда лишь некоторая недоделанность и неряшливость в компоновке нарушают хорошее впечатление от его рассказов. Шошин — чуткий наблюдатель, лишенный тенденциозного подхода к действительности; он хорошо чувствует деревню и в то же время не противопоставляет резко ей фабрику. В своей автобиографии (ж-л «Ткач», № 2, 1923 г.) он так говорит о своеобразии родных мест: «Фабрика взяла в руки деревню, деревня отступала и превращалась в рабочую слободку. Так у меня и свилась в жизни деревня с фабрикой, не знаю чистой фабрики и чистой деревни. Переплелось. И эта поемь родная мне. Всегда видится в рабочем крестьянине и в крестьянине рабочий». Рассказы Шошина изданы: «Докладчик от шефа», веселые рассказы, в изд. «Приволжской Правды» 1925 г., а также печатаются «Основой» (три книжки — «Таракан», «Инструктор Пряхин», «Отчего заливался гудок»).

Следом за Шошиным идет И. Мартынов, книжка рассказов которого «Митькина драма» вышла одновременно с шошинской. У Мартынова те же почти темы и довольно удачная композиция.

Есть все основания думать, что литературная молодежь г. Кинешмы не остановится в своем развитии и, много поработав над техникой, почувшись у великих мастеров слова, даст еще более интересный художественный литературный материал, в котором запечатлеет природу и жизнь местного края.

Некоторые выводы.

Познакомившись с фактами литературной жизни Иваново-Вознесенского края, нам остается сделать некоторые выводы, которые невольно наталкивают и на вопрос о ближайших задачах современной молодой краевой литературы.

Прежде всего, в прошлом веке мы замечаем в крае ряд писателей, хотя и не особенно выделяющихся в истории русской литературы, но чрезвычайной ценных по тому местному материалу, который мы находим в их произведениях. Это—Потехин, Нефедов, Рязанцев, Зарубин, Рыскин, изучение которых представляет громадный интерес в краеведческом отношении. У них мы находим любопытные географические, исторические, этнографическо-бытовые черты местной жизни, прекрасно дополняющие специальные историко-экономические исследования. Но чем ближе к XX столетию, тем местная литература становится беднее именами. Широкое революционное и рабочее движение, охватившее край в конце прошлого и начале нынешнего века, подполье революционеров, жизнь фабричного производства и быт трудящихся, крайне своеобразное существование верхов общества—фабрикантов и купечества,—не нашли отражения в местной литературе. Писатели края в начале нынешнего века—по преимуществу газетчики-журналисты, скитальцы по российскому газетному морю.

Подходя ближе к современности, мы должны констатировать большое литературное оживление, охватившее не только губернский центр, но и отдельные местности края. Среди молодых писателей есть безусловно много талантов, но в их произведениях пока что осталась в стороне богатая событиями местная жизнь. У нас нет и современного певца Волги, чудесной реки, вдохновившей не мало художников. Говоря о молодой краевой литературе, мы, в месте с тем, должны отметить, как преобладающую, стихотворную форму произведений современных писателей; проза представлена крайне незначительно.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение этих выводов, не будем углублять и вопрос о целях современной краевой литературы. Этой литературе предстоит отразить несколько эпох общественно-экономической жизни края: годы первых революционных движений, пятый год и дальнейшее время. Краю нужен такой *областной писатель*, который внес бы в русскую литературу и поэзию труда «ситцевого царства», и героическую борьбу рабочего класса района с капиталом, и красоты Волги, Унжи и др. богатых природой мест губернии.

А пока что во всей своей силе и остроте остается задача всестороннего изучения литературы края в прошлом. Необходима неустанная работа в архивах, собиране эпистолярного, иконографического, библиографического и т. п. материалов о местных писателях, разбор рукописей, записи воспоминаний от современников и т. д. Все это откроет возможность для проведения ценных историко-литературных исследований. Также в силе остается и вопрос о популяризации отдельных краевых писателей, путем опубликования неизвестных рукописей и переписки, издания сборников отдельных произведений. Только тогда мы сможем наиболее верно определить литературный фон нашей губернии, зафиксировав все эти данные в «Биобиблиографическом словаре писателей края».

Настоящий очерк по литературе Иваново-Вознесенского края отнюдь не является полным и исчерпывающим. Являясь докладом, дополненным библиографическими справками, он ставит целью объединение и систематизацию материалов о местных писателях. Это первая попытка краткого введения в изучение местной литературы,— и, конечно, в нем найдется не мало пропусков: многие писатели, б. м., совсем не упомянуты, не указаны и не использованы различные историко-литературные, архивные и др. источники, и т. д. Изучение краевой художественной литературы еще только начинается,—отсюда и трудность работы, неполнота и неизбежные промахи и погрешности.

Сводные обзоры литературы Иваново-Вознесенского края имеются в очерках:

1. *А. К. Воронский*. Песни северного рабочего края. Альманах «Начало», № 1. Иваново-Вознесенск, 1921 г. См. также его книгу. «На стыке» Гиз. М. 1923

Дана общая характеристика края и выявлены особенности творчества большинства современных поэтов Иваново-Вознесенска (Артамонов, Семеновский, Семин, Жижин и др.).

2. *М. П. Сокольников*. Поэты нашего края. «Вестник Иваново-Вознесенского Губсоюза Потребительных о-в», № 11, 12 и 13. Иваново-Вознесенск. 1922.

Анализ творчества современных поэтов края (Семеновский, Артамонов, Жижин, Баркова, Семин, Луганский, Ник. Смирнов, Селянин и др.). Там же приведена и литература.

3. *И. Майоров*. Литература рабочего края. Худ. Альбом «Красный Манчестер» Иваново-Вознесенск, 1924 г., стр. 99—104.

Характеристика общественно-культурной жизни Иваново-Вознесенска. Незначительные биографические данные и характеристика Нефедова, Проскурнина, Ноздрина и др. Обзор современной поэзии и характеристика Огурцова, Вихрева, Шошина и перечисленных выше (1—2) других представителей краевой литературы.

Материалы по устной словесности не входят в очерк,—они должны войти в специальное исследование.